

Одержимость

Автор:

Ульяна Соболева

Одержимость

Ульяна Павловна Соболева

Эмоции на грани, яростное желание владеть безраздельно, унижить, разорвать ту, которая превратила его жизнь в болото крови, грязи и дикой боли, но не сломала. Он вернулся с того света, чтобы заставить её рыдать кровавыми слезами. Призрак, человек без имени, отпечатков пальцев и без прошлого... Одержимый ею. Обжигающая страсть, дикая ревность, неуправляемость, секс без цензуры, кровавые убийства и насилие... Все это вы можете прочесть в новой книге Ульяны Соболевой «Одержимость». Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Одержимость

Пролог

Кукла. Израиль. Синайская пустыня. 2009 год

Жажда, она страшнее голода, страшнее насилия и побоев. Жажда сводит с ума, лишает последних сил. Сейчас я готова была на все за каплю воды. Даже на убийство. Да, я могла загрызть, разорвать кого-то лишь за маленький глоточек. Но нас специально не поили, чтобы мы сломались ещё до того, как пересечём

проклятую пустыню. Я ненавидела солнце и песок. Господи, всего лишь несколько дней назад я мечтала о море, пляже и жаре, сейчас я бы предпочла Северный Полюс. Наши конвоиры-бедуины ехали следом на верблюдах, а нас тащили вереницей, подталкивая карабинами в спины, если кто-то падал, поднимали за волосы, привязывали к седлу и все равно тащили. Я тысячу раз благодарила Бога за то, что все ещё живая, все ещё иду, и у меня есть остатки сил и разума. Другие сломались. Я видела в их глазах отчаянное равнодушие ко всему, что происходит. Так быстро. Всего лишь за три дня мы превращались в скот. Я не хотела быть животным, я останусь человеком, и эти твари, которые возомнили себя моими хозяевами, не дождутся от меня покорности. Они дадут нам пить. Если нет – мы начнёмдохнуть как мухи, а они потеряют деньги. Ведь им за нас заплатили и, наверняка, немало. Иначе они не тащили бы нас вот уже третьи сутки через пески. И я предпочитала идти, потому что, когда мы делали привал, эти ублюдки в масках обязательно кого-то насиловали. Они называли нас "русскими сучками". Они уже сказали нам на ломаном английском, куда и зачем нас везут, и наглядно показали, что будут с нами делать. Поэтому я лучше буду идти или ползти, но я не хочу отдыхать, я только ужасно хочу пить.

Нас напоили через несколько часов, когда караван приблизился к высокому забору с колючей проволокой. Пустили по кругу старую, ржавую флягу, и мы по очереди сделали несколько глотков. У меня потрескались губы, до крови, прикоснуться к горлышку сосуда было больно. Удержаться и не осушить полностью ещё труднее, но у нас отбирали питье сразу после трёх глотков и передавали дальше.

Мы пересекали границу. Одна из девушек отказалась ползти на животе под ограждением из колючей проволоки, бедуины начали бить её ногами и прикладами карабинов по голове. Никто не заступился, даже я. Нет, это не было трусостью, это было желание выжить любой ценой. Несчастную пристрелили прямо там и закопали в песок, не сильно утруждаясь, скоро тело найдут шакалы, и от него останутся лишь обглоданные кости.

Наверное, в этот момент я больше не питала иллюзий. Да и остальные тоже. Нас затолкали в фургон, закрыли снаружи, и мы снова поехали, в кромешной темноте. Все молчали. Только теперь нас уже не сопровождали бедуины, нас передали другим «хозяевам», а они прекрасно говорили по-русски. Мы слышали их голоса, смех, маты через тонкую перегородку. Девушки немного оживились, они снова надеялись, все кроме меня. Кто, как ни я, мог знать, что свои здесь давно стали чужими. Сейчас я могла только думать, напряжённо сопоставлять

факты, вспоминать свою прошлую жизнь и то, почему я здесь оказалась, кем я была раньше. От кого бежала и зачем. Почему попала из огня да в полымя. Господи, сколько имён и фамилий, я уже сама толком не помню, кто я на самом деле... Но я знаю, что ОН найдёт меня даже в Аду. Призрак. Мой персональный палач. За что? Да мало ли за что. Я много плохого сделала в этой жизни. Значит у него есть причины меня казнить, а у меня есть причины цепляться за эту проклятую жизнь зубами. Игра на выживание, в которой будет лишь один победитель.

Кукла. Россия. 2007 год

Я в недоумении смотрела на круглую красную дырочку в голове моего заказчика, на мёртвые, широко распахнутые глаза и мои пальцы судорожно сжимали крошечную флэшку, которую тот успел мне передать перед смертью. Осторожно, двигаясь по полу назад, на четвереньках, я доползла до стены и прижалась к ней голой спиной. ОН стоял в темноте, я лишь угадывала его силуэт и пистолет с глушителем, направленный на меня. Я следующая. Киллеры не оставляют свидетелей. Тем более ОН уже давно следил за мной. Я помнила его. Не знаю откуда, но я точно его видела раньше. У меня фотографическая память. Мужчина запер дверь на ключ, и в глухой тишине щелчок замка стал для меня громче пушечного выстрела. Проклятое вечернее платье, проклятые шпильки. Если бы я знала, что попаду в такую переделку, я бы подготовилась. А сейчас, безоружная, в шёлковой тряпке, едва прикрывающей зад, сижу на полу, и жду, когда рука наёмника в чёрной латексной перчатке медленно поднимется вверх, и пуля пригвоздит меня к этой стене навсегда. Но он не выстрелил, медленно двинулся ко мне. Я незаметно подтолкнула флэшку к столу. Несмотря на исполинский рост, мощное телосложение двигался он, как танцор или леопард перед прыжком. Я пыталась вспомнить, видела ли я его среди гостей сегодня, и не могла. Я бы запомнила. Непременно.

Лунный свет цеплял лишь огромный силуэт и его глаза. Звериные. Я не различала их цвет, но они наверняка тёмные, бездонные, сулящие только смерть. Мне стало страшно. Вскочив с пола, неловко подвернув ногу, я бросилась на балкон. Может быть, кто-то увидит нас, придёт на помощь. Ведь в этой проклятой гостинице есть жильцы, обслуга, охрана, хоть кто-то.

Конечно есть, но под утро все спят, как убитые, а охрана точно не будет ходить по коридорам в ожидании криков о помощи. Гости заказчика разошлись ещё

несколько часов назад. Ночная прохлада ворвалась в горло судорожным вздохом отчаяния. Я металась по узкому пространству, бросалась к перилам, вглядываясь в тёмные окна соседей напротив. Потом посмотрела вниз – десятый этаж. Внизу снуют машины, горят фонари, а здесь наверху крошечная тьма, даже луна спряталась за тучи.

Я никуда не денусь из этой ловушки, закричу – пристрелит, с десятого этажа не спрыгнуть, я не миссис Смит, ввязаться с ним в драку – безумие. Я сползла на пол и лихорадочно принялась шарить пальцами по холодному мраморному кафелю. Найти бы хоть что-то: битое стекло, зажигалку, что-нибудь, но поверхность была гладкой и стерильно чистой.

Мужчина подошёл ко мне и рывком поднял с пола, как пёрышко.

Я зажмурилась, сейчас он свернёт мне шею. Для него это пара пустяков. Киллер прижал меня к перилам, удерживая на весу одной рукой. Теперь я видела его глаза очень близко, почти на уровне моих глаз. Да, они тёмные. Как ночь или смерть. Одно моё неверное движение, и он столкнёт меня вниз. О боже... да он так и сделает. Я уже мысленно видела заголовки утренних газет: "Главного директора торговой компании «Терион» сегодня ночью застрелили в его собственном номере гостиницы «Интурист». Преступница покончила жизнь самоубийством..." Или как там пишут на первой полосе?

Я лихорадочно взвешивала наши силы, они неравные, даже если я сейчас ударю его или вцеплюсь когтями в эти холодные змеиные глаза, он все равно не выпустит. Словно в ответ на мои мысли наёмник разжал пальцы, и его ладонь сдвинулась с горла к моим ключицам. Я судорожно вцепилась пальцами в поручни. Сзади бездна, а впереди моя смерть. Рука в чёрной перчатке поддела тоненькую лямку вечернего платья и спустила с плеча, потом другую. О нет... только не это... Он меня раздевает? Это такая игра? Или хочет изнасиловать меня перед тем, как убьёт? В том, что итог окажется неизменным, я уже не сомневалась. Резко обернулась и посмотрела вниз, от высоты закружилась голова. Может лучше сделать шаг назад, чтобы не мучиться? Он словно прочёл мои мысли, схватил за волосы, приставил пистолет к моей груди, холодное дуло обожгло воспалённую кожу.

– Держись крепче, – голос спокойный, чётко слышно каждое слово. Я подчинилась и вцепилась в поручень ещё сильнее, до боли, – Смотри на меня.

Я и так смотрела, потому что он гипнотизировал меня, как удав. Страшные глаза. Они лихорадочно блестели. Я старалась его рассмотреть, чтобы запомнить, если останусь в живых, но в полумраке я могла лишь видеть ассиметричные черты лица, очень крупный подбородок, кривоватый нос, сильно развитые челюсти, выступающие скулы. Лицо призрака, смазанное, лишь силуэты, очертания. Даже одежда не бросается в глаза – на нем классический элегантный чёрный костюм, белый воротник рубашки выделяется пятном на тёмном фоне. Я пыталась ни о чем не думать, дышать медленно, ровно, но мне не хватало воздуха, я чувствовала опасность – смертельную, неизбежную. Дуло пистолета скользнуло по моей груди и задело сосок. Несмотря на то, что у меня от ужаса подкашивались ноги, я вздрогнула. Прикосновение холодной стали было обжигающим. Он все ещё держал меня за волосы, но уже не так цепко, почти не причиняя боли. Потянул корсаж платья вниз, и лёгкий шёлк соскользнул с плеч, спустился до пояса. Ночной ветерок коснулся моей кожи. Теперь холодная сталь прошла по моему животу, спускаясь ниже, к бедру, зацепила подол платья и потянула вверх, обнажая ноги. Прикосновения были осторожными, и я закусила губу. Собственные чувства обострились, как на лезвии ножа. И вдруг он прижался губами к моей шее, шумно втянул воздух, словно принюхиваясь. Я вздрогнула. У него были очень мягкие губы, я ждала грубости, но он осторожно касался ртом моей кожи, поднимаясь к скуле, к мочке уха. По моему телу прошла дрожь, и низ живота опалило сексуальное возбуждение. Я где-то читала, что такое бывает в минуты опасности. Так организм борется со стрессом... Боже, какая чушь. Меня лапает убийца, он наверняка затеял со мной свою собственную игру, и очень скоро я почувствую боль... очень скоро. Дуло пистолета подцепило резинку трусиков, его рука спустилась по моей спине к ягодицам, огромная ладонь резко задрала платье вверх и дёрнула тонкую резинку стрингов, я услышала треск материи, и кружево скользнуло к лодыжкам. Прикосновение перчатки, а не пальцев, было обжигающим. Призрак сжал мою грудь, нашёл сосок и слегка сдавил. Моё дыхание участилось. Тело жило своей жизнью, отзывалось на ласку. Его власть, неизбежность и необратимость того, что должно было произойти, подхлестнуло моё воображение. Я все ещё смотрела ему в глаза. Собственная развращённость взрывала мозг. Меня ещё никогда не ласкали столь дерзко и нагло. Я всегда вела, а сейчас вели меня. Я просто кукла в его руках, и он знает на какую кнопку нажать, управляет мной, все эмоции завязаны на страхе и диком взрыве адреналина. Наглые ладони бесцеремонно скользили по внутренней стороне бедра. Он смотрел на мою грудь, на предательски сжавшиеся в комочки соски. Я дёрнулась, когда пальцы приблизились к моему лону. И дуло пистолета оперлось мне в грудь, словно предупреждая. Я громко вздохнула и почувствовала влагу между бёдер. Со мной такого не случалось уже

давно. Лет шесть, как минимум с тех пор как... Черт, не важно... Не сейчас... Никаких воспоминаний. Мужчинам почти никогда не удавалось завести меня, а вот этому наёмнику удалось с пол оборота. И никакой романтики. Ледяная сталь снова коснулась напряжённого соска, и я не выдержала, тихо застонала. Он сильнее прижал меня к перилам и вдруг резко развернул спиной к себе, я невольно переклонилась вниз, и в глазах появились разноцветные точки. Захватило дух от такой высоты. Мужчина раздвинул мне ноги коленом, я услышала лязг пряжки ремня. Сильная рука легла мне на горло, ограничивая движения, но не причиняя боли, он так и не выпустил пистолет, заставил прогнуться назад, и я невольно подняла руку и схватилась за его шею, запрокидывая голову ему на плечо, прижимаясь обнажённой спиной к жёсткой материи пиджака, чувствуя позвоночником каждую пуговицу, а впереди бездна, стоит неосторожно перегнуться через перила, и меня размажет по асфальту. Я ощутила касание твёрдого члена, который тёрся о мои голые ягодицы, другая рука киллера скользнула по моему животу. Он все ещё в перчатках. Я уже дрожала от возбуждения, от страха и от желания, чтобы он наконец-то меня взял. Да, я хотела его, вот этого убийцу без лица и без имени, который наверняка прострелит мне череп после того, как все закончится. Когда он коснулся моего лона, я сдавленно вскрикнула. Мужские пальцы безошибочно нашли клитор и нежно потёрли. Скольжение материи, резкое и неожиданное, латекс прохладный, шершавый раздражает плоть, возбуждает невыносимо. Этого было достаточно, чтобы я взорвалась. Оголённые до предела нервы не выдержали напряжения. Я услышала свой хриплый стон, оргазм был подобен цунами, острый, яркий, и в тот же момент в меня проникла его плоть. Резким толчком заполнил меня до упора. Я все ещё содрогалась в конвульсиях наслаждения, крепко сжимая раскалённый член сокращающимися мышцами лона. От него ни одного звука, только дыхание шумное, со свистом. Он двигался во мне яростно, сильно, разрывая меня изнутри, растягивая. Я слышала собственные стоны, чувствовала его губы на своей шее, касание зубов, когда он слегка прикусывал кожу на затылке. Перила давили мне на ребра, но движения внутри меня заглушали все остальные чувства. Его ладонь накрыла мою грудь, пальцы сжали сосок, слегка потянули, и я застонала снова. Рука с пистолетом уже не так сильно давила на горло. Ко мне возвращался рассудок. Нужно дождаться, когда он кончит, отобрать пушку, и тогда у меня появится шанс. Я начала двигаться ему навстречу, извиваться, насаживаясь на член, заполняющий меня полностью, до предела, дальше некуда. Я вцепилась ногтями в его руку, продолжающую ласкать мою грудь. Меня снова уносило, накрывало наслаждением острым, развратным, первобытным. Я чувствовала себя бесстыжей самкой. Но краем глаза все ещё следила за пистолетом. Если не отберу сейчас – кончу снова и... Господи. Я резко выхватила пистолет, ударила

своего смертельного любовника локтем прямо в челюсть, воспользовавшись моментом его замешательства и вырвалась из удушающих объятий, направила дуло пистолета в это смазанное, бледное лицо. Мои руки предательски дрожали.

- Одно движение, засранец, и я вышибу тебе мозги. Стой на месте, не двигайся.

Он и не думал. Смотрел на меня горящим взглядом, потом натянул штаны и совершенно спокойно застегнул ширинку.

- А ты меня не узнала, маленькая... - тихо сказал он, и у меня по спине пробежал холодок страха, - беги, прячься, я все равно найду тебя.

- Да пошёл ты!

Я бросилась прочь, побыстрее выбраться из проклятого номера, по пути споткнулась о тело заказчика, содрогнулась от ужаса, распахнула дверь и помчалась к лифту. Чёртова флэшка так и осталась на полу. Я надеялась, что она заблокирована, и он не сможет прочесть информацию. Мне же было достаточно взглянуть один раз, чтобы запомнить. На улице поймала такси и нырнула на заднее сидение. К черту. Я уезжаю сегодня же. С меня хватит этих гребаных заказов. Я выхожу из игры, потому что меня или захотели слить или появился кто-то, кто охотится на саму Куклу.

Глава 1

Маша. Россия. 1997 год

Господи, как же холодно, нескончаемый дождь, ветер пробирает до костей. Раньше я любила осень и зиму, а сейчас я ждала потепления. Тогда в моем убежище из картонных коробок будет намного уютнее. Я достала спички из кармана огромной рваной куртки и взяла из стопки листовку, привычный текст бросился в глаза: "Внимание, пропала девочка. Мария Свиридова. 15 лет. Особые приметы - родинка на правой щеке. Всех, кто знает о её местонахождении, просим обратиться по этому номеру телефона... "

Я подожгла листовку и с наслаждением смотрела, как горит бумага. Я содрала их все, по крайней мере, в нашем районе. Каждую ночь, вот уже больше года, я обрывала эти жалкие клочки бумаги, развешенные социальными работниками школы или кем там ещё. Я не хотела, чтобы меня нашли. Я не хотела в интернат. Лучше улица. В животе заурчало. Цыган не принёс сегодня поесть, точнее притащил жалкие крохи, сам голодный остался, а меня накормил. Но мне было мало, я все равно не усну от голода. Возле рынка часто выбрасывают полусгнившие продукты, и если бездомные собаки не растащили пакеты, то мне перепадёт немножко чёрствого, зацвевшего хлеба, а может и корочки апельсина или колбаса. Желудок судорожно сжался, и во рту выделилась слюна. Бабушка всегда покупала «докторскую», для меня. Себе отказывала, а мне никогда. Я поковырялась в кармане, нашла «бычок», даже три – один «королевский», почти пол сигареты, посмотрела на него, повертела в руках. На завтра. Сегодня обойдусь самым маленьким. Выкурила до самого фильтра, обожгла пальцы и затушила, плюнув на тлеющий кончик. Завыл ветер, и я с тоской подумала о том, как еще прошлой весной и зимой я спала в своей маленькой тесной комнатке, и бабушка заваривала мне чай с малиной. Она умерла. Не знаю почему, просто умерла. Я никогда не считала её старой и никогда не задумывалась, что останусь одна, и вдруг она ушла вот так быстро, а кроме неё у меня никого не было. Отец нас бросил ещё до того, как я родилась, а мама умерла при родах. Только фотография висела на стене, да бабушкины рассказы. Но она оставалась для меня чужой и незнакомой. Это все равно, что потерять что-то, чего у тебя никогда не было. Я не понимала тупых соболезнований и вопросов типа: "Как ты без мамы?". Да как все. Жизнь на улице началась внезапно. Я никогда не думала, что буду способна укусить социального работника за руку, пнуть в живот коленкой и удрать в неизвестном направлении, я это сделала. Привыкать к будням бездомной бродяжки было трудно, отвоёвывать своё место на чердаке заброшенной стройки ещё труднее, но у меня получилось. Наверное, тогда я поняла, что у меня есть власть над мужчинами, пока самыми юными, такими, как Цыган. Как только я появилась в нашей «семье», он тут же положил на меня глаз. В школе меня называли красивым ребёнком, часто фотографировали для всяких там школьных газет, журналов, но это все осталось в прошлой жизни. В этой, я самым первым делом отстригла волосы ржавым ножом, обгрызла ногти. Я не хотела, чтобы во мне видели девчонку. Если бы не Цыган, которого все боялись, отымел бы каждый, кто захотел, но тот не дал. Сразу взял под своё крылышко, а потом и драться научил. Со мной вместе в картонных коробках жил Барсук. Севка. Он был младше меня года на три, но тот ещё зверёныш, поначалу мы с ним дрались за каждый сантиметр, а потом сдружились. Барсука неделю назад задавил пьяный придурок, и я осталась одна. Если это можно так назвать. У нас была своя бригада малолеток-беспризорников, на чердаке нас теперь

целая толпа, и «держал» всех Цыган, сколько ему лет я так и не знала, на вид восемнадцать, но могло быть и больше, а может меньше. Кликуха такая, потому что серьга в ухе, вечно чумазый и волосы кудрявые. Хотя, хрен его знает, может и правда цыган, я его биографию не изучала. Он давал нам работу, мне почище, другим погрязнее. Каждый день мы рассыпались по району в поисках добычи. Цыган подкидывал наводку, за это получал свою долю. Он сбывал краденое, приносил нам жарчку и немного денег. Сегодня не принёс, пришёл избытый, весь в синяках, сказал, что старшие все бабки отобрали, обо мне, правда, позаботился – притащил пару кусочков хлеба. Мы так и пошли спать голодные. Цыган пообещал, что завтра у него есть для нас дело покруче, и мы точно останемся в выигрыше. Я поверила. А кому верить, если не Цыгану? Он меня оберегал. Почему? Не знаю. Не друзья, не пара. Да какая там пара, я бы его к себе не подпустила, а он и не лез. У него для этих дел Белка имелась. Малолетняя проститутка, она иногда у нас ночевала, когда сутенёр лютовал, расплачивалась с Цыганом натурой. Я не ревновала, мне было фиолетово, а вот он ревновал меня ко всем, даже к несчастному Барсуку. Но за Барсука я готова была сама кому угодно глотку перегрызть, так что его не трогали. Севкаааа. Я не оплакивала его. Для меня смерть была чем-то обыденным, я видела её очень часто, особенно на улице. Начиная с бродячих животных и заканчивая бомжами алкоголиками, а иногда и некоторыми из нас.

Листовки быстро сгорали, и огонь почти не грел заледеневшие руки. Кто-то отодвинул картон, и я увидела физиономию Цыгана.

– Мелкая, у меня к тебе дело, я зайду.

Ввалился в моё своеобразное жилище и скрутился над огнём.

– Пожар устроишь.

– Холодно.

– Так я могу и согреть, – ухмыльнулся, но дальше намёков не пойдёт, я точно знала.

– Белку свою грей лучше, или не даёт?

Цыган ухмыльнулся.

- Даёт. Мне ты нравишься. Красивая.

Это я и без него знала, точнее, когда-то знала, сейчас я не совсем была в этом уверена: волосы торчат в разные стороны, худящая, кожа да кости, и не оформилась ещё. Сисек нет, месячные приходят, когда им вздумается. Но ведь была красивой – волосы длинные золотистые были, медовые, бабушка в косу заплетала, глаза у меня зелёные, и серёжки в ушах были, золотые, между прочим. Я их зарыла во дворе, чтоб не стырили или вместе с ушами не оборвали.

- Чего надо, Цыган?

- Сегодня приехали иностранцы в дом напротив, там свадьба. Приоденешься нормально и влезешь в толпу. Стащишь пару кошельков, никто не заметит.

- Плёвое дело.

- Ты не поняла, Мелкая, в девку переоденешься, я уже шмоток тебе достал. Никто не заметит, они там налакаются до потери пульса. Не одна пойдёшь, я с тобой, подстрахую внизу.

Я внимательно посмотрела на Цыгана, глазки бегают, губа нервно подёргивается. Учужал, видать, наживу.

- Что за иностранцы?

- Там одна шалава замуж за немца вышла, его друзья понаедут.

- Ясно. Шмотки давай и пожрать, я со вчера ничего не ела, твои крошки не в счёт.

Борзею немного, знаю, но мне можно, мне он позволял борзеть, другим бы зубы выбил.

- Там поешь. Слышь, как орут? Я проверил – все двери нараспашку.

Цыган вернулся со свёртком через несколько минут, я сбросила куртку, содрогаясь от холода, и увидела, как он меня осматривает. Черные глаза сверкнули в темноте.

- Отвернись, придурок.

Отвернулся, ты гляди. Я стащила с себя штаны, футболку. Холод какой, собачий. Развернула свёрток, и даже не глядя, что там, натянула через голову шерстяное платье, потом колготки на ледяные ноги, туфли и свитер. На дне пакета оказалось зеркало и помада.

- Можно уже?

- Валяй, только не ржать.

Он обернулся, и я приготовилась вышвырнуть его из моей халабуды, но он не смеялся, глаза горели все так же.

- Я же сказал - красивая.

Посмотрела в зеркальце. Волосы немного отросли, но все равно короткие, физиономия не грязная, помада, как красное пятно на бледной коже. Что здесь красивого не понятно.

- Идём.

В женской одежде довольно непривычно, скованно как-то, и держаться с ним за руку непривычно, я выдернула ладонь из его тёплых пальцев и пошла вперёд.

Свадьба и правда превратилась в попойку с драками и песнями-плясками. Невеста танцевала на столе, жениха вообще не было видно, и Цыган оказался прав, я вписалась в эту толпу и незаметно юркнула в квартиру, застряла в коридоре. Вещи иностранцев тут же бросились в глаза - модные плащи, дорогие туфли в ряд. Я сунула руку, обшаривая карманы, тут же нашла бумажник. Извлекла, спрятала за пазуху, полезла в другой карман.

В этот момент на моё запястье легла чья-то огромная, покрытая веснушками, лапища и сильно сжала:

– Ты что творишь, твою мать?

Обернулась и увидела раскрасневшуюся физиономию то ли отца невесты, то ли кого из гостей: рыжие усы, пьяные глазки. Я ударила мужика в нос, вот так, как учил Цыган – лбом. Потекла кровь, он заорал, схватился за переносицу, а я бросилась по лестнице вниз, прижимая к груди бумажник. За мной целая толпа. Выбежала во двор, Цыган уже понял, что я спалилась. Кто-то сгрёб меня сзади за шиворот, я увернулась, и упала в грязь. Цыган бросился на обидчика, но тот мёртвой хваткой держал меня за лодыжку. Все, как в замедленной съёмке. В руке Цыгана блеснул нож, он ударил одного из мужиков в бок. Я заорала, но меня уже скрутили, придавили к асфальту, я вырывалась, царапалась. Все орала, как ненормальные, разъярённые пьяные мужики избивали Цыгана ногами и пустыми бутылками, его лицо постепенно превращалось в кровавое месиво, а я смотрела остекленевшим взглядом, пока не приехала милиция.

Наручники щёлкнули у меня на запястьях, пинками и подзатыльниками менты затолкали меня в «бобик». Я прижалась лицом к окну, видя, как там, на асфальте, в грязи, неподвижно лежит Цыган. Спустя несколько часов, на допросе, мне скажут, что он умер, и это было несчастным случаем. Тем упырям, которые забили его насмерть, ничего не сделают.

В участке, в кармане моего свитера каким-то образом оказались наркотики, а ранение того самого мужика приписали мне. Сказали, на ноже нашли отпечатки моих пальцев. Мне дали десять лет колонии строгого режима.

Кукла. Израиль. 2009 год

– Раздётся! – сутенёр говорил по-русски очень плохо, хотя мог бы говорить и на иврите, я прекрасно владела этим языком, в этой стране я уже успела побывать и не раз, но не в качестве проститутки. Медленно сбросила с себя грязные джинсовые шорты и выцветшую футболку. Осталась в одних трусиках сомнительного цвета и свежести. Посмотрела на него с презрением. Проклятый морокашка возомнил себя Богом или кем там ещё. Он думает, что будет решать, как поступит со мной дальше. Он просто не знает, что в его вонючем борделе на Аленби я не останусь даже на эту ночь. Я найду способ сбежать или меня

найдут. Кто и зачем? Возможно найдут, лишь для того, чтобы пустить мне пулю в голову, а заодно и ему? Ведь всегда существовал риск, что я проболталась.

- Красивый Наташка, очень красивый.

Для них все мы русские «Наташки» и не важно: украинка, россиянка, молдаванка – все. Синоним русской проститутки, сродни оскорблению.

- Лех тиздаен![1 - Да пошел ты! (иврит)] – ответила я и усмехнулась. Он оторопел, погладил толстыми пальцами усы.

- Ты выучил плохие слова, Наташа. Я тебя наказать.

- Ма ата омер?[2 - Да что ты говоришь? (иврит)]

И снова удивлённые бровки домиком, обошёл вокруг меня несколько раз. Он был озадачен и уже начинал злиться.

- Я – Цахи, и ты мой зОна,[3 - Проститутка (иврит).] поняла? Я тебя продавать хороший клиент, и мы делать много денег вместе. Тебя как звать?

- Наташа, – я засмеялась, нагло сплюнула на пол, – Амарти леха – лех тиздаен![4 - Я же сказала тебе – пошел на х*** (иврит).]

Здоровенный кулак пронёсся в сантиметре от моего лица – не ударил и не ударит. Слишком дорого стоила. Он меня купил на заправке «Делек», в Эйлате.

За тридцать тысяч шекелей налом.

Быстрый аукцион, и три девочки ушли по рукам сарсуров.[5 - Сутенеры (иврит).] Под носом у полиции, у посетителей, которые жрали питы с хумусом[6 - Лепешка, пустая внутри, намазанная хумусом (сродни майонезу, но другое на вкус).] и запивали кока-колой, почитывая "Идиот Ахронот",[7 - Последние Известия (иврит).] а там, в двух метрах от них, в туалете, продавали русских «Наташ», и всем было пох*** на нас. Израиль демократичная страна. Мечта Бен Гуриона сбылась ещё в сорок восьмом году.[8 - В одном из выступлений Бен-Гурион (Первый глава правительства Израиля) мечтал, чтобы Израиль стал

нормальной страной, со своими преступниками и проститутками (прим автора).]

– Рут, возьми эту сучку, пусть помоеется и переоденется, сегодня Ассулин придёт, он любит новеньких, – бросил разъярённый сутенёр, только что вошедшей в маленькую комнатёнку, пожилой женщине.

"Ассулин, значит... " Распространённая фамилия, как у нас Иванов, Петров, Сидоров. Это мог быть просто озабоченный марокканец. Или... это мог быть тот самый Ассулин, с которым я должна была встретиться два года назад. Только тогда я не была русской зОной. Я была... не важно... просто была совсем другим человеком. Я всегда другая, только там внутри все ещё иногда давала о себе знать Маша Свиридова и мечтала выпить горячего чая с малиной. Ей казалось, она проснётся в своей двухкомнатной квартире в 1996 году... и все будет, как раньше.

Глава 2

Кукла. Россия. 2001

Психологический портрет объекта. Обязательный материал к изучению. Пока не станет как родной. Каждый жест, взгляд, образ жизни. Кого трахает, что ест на ужин, где работает. Враги. Друзья. Одеколон. Медицинская карточка. Ха, вплоть до того, о чем фантазирует, когда занимается мастурбацией. Всё. Потому что в следующий раз он должен фантазировать обо мне. Я должна стать его реальностью, той, о ком он мечтал всю жизнь. Так меня учили. Это работало. На девяносто девять процентов. Со всеми. Любой пол и возраст. На один крючок та же приманка, только разного цвета и калибра.

Сегодня у меня первая встреча с новым объектом, все отрепетировано до незначительных деталей. Так я думала, когда наносила на лицо макияж. Я знала, какие женщины ему нравятся. Точнее, его типаж. Хотя, он был довольно всеяден, но закономерность присутствует всегда. Его тянет к худеньким высоким брюнеткам чуть больше, чем к рыжим и блондинкам. Значит, стану брюнеткой. Я покрасила волосы ещё вчера, сделала долговременную завивку. Какое милое личико, немного вульгарное, немного испуганное. Красивая

игрушка. Он должен клюнуть без вариантов, а точнее, я выдам столько вариантов, что на один из них он клюнет обязательно. Секс? Эмоции? Жалость? Да что угодно. Я изучила его достаточно хорошо, чтобы испробовать все способы. Никитин. Алексей Алексеевич. Леха. Поиграем?

Игра началась, как только он вошёл в полутёмный зал VIP нелегального казино. Бросаю на него быстрый взгляд – выглядит немного иначе, чем на фотографиях и видео. Из тех типов, которые не блещут фотогеничностью, а в жизни... в жизни он красавец. Уверенная походка, быстрые движения. Видно, что он завсегдатай этого гадюшника. Любитель покера. Выигрывает всегда. Азартный, но в меру. Никогда не рискует. Сегодня нужно, чтобы рискнул. Его ещё не привлёк наш коллектив за крайним столиком, где собрались четверо участников, и я... в виде выигрыша. Пока могу наблюдать за ним. Ровно столько, сколько займёт времени, чтобы он обратил внимание на наш столик, а точнее, пять минут. Снова смотрю на него. Русые волосы, рост под два метра, светлые глаза, я бы сказала серые. Интересный экземпляр, сексуальный. Закурил, заказал выпить. Впервые обернулся. Взгляд слегка скользнул по мне, скорее безразлично, чем с интересом, на карты посмотрел, приподняв одну бровь. Немного удивлён, что на столе нет купюр. Ставок. Отвернулся, потягивает скотч. Начинаем играть.

– Э, Серый, так не пойдёт. Мы ещё не закончили. Кукла будет моей.

Сказал громко, но объект не проявил интереса. Моя роль. Встаю.

– Сидеть, – рявкнул Гоша довольно громко. Никитин обернулся. В этот самый момент Гоша, насильно удерживая меня за затылок, заставил сесть к себе на колени. В глазах Никитина лёгкий интерес. Не более. Снова смотрит на стол, опять на меня, а я на Гошу. В глазах страх и немая мольба. Я хорошая актриса.

– Не надо. Я прошу тебя. Я расплачусь. Честно.

– Чем ты, сука, расплатишься? У тебя ни копейки.

Никитин поворачивается к нам боком... о, да... он заинтересован, но не настолько, чтобы вступить в игру. И мы начинаем ставки. На столе появляются увесистые пачки денег. Объект снова отвернулся, затушил сигарету в пепельнице. Сильные пальцы, немного вздутые вены на запястье. Готова

покаяться, что у него есть ствол. Игра продолжается. Ставки растут. Неожиданно появляется ещё одна компания. Объект неожиданно сваливает за другой столик. Чтоб меня. Я была уверена, что он не станет сегодня играть. Мне заказывают выпивку. План изменяется.

- Давай детка, станцуй, пока мы играем. Повеселись.

Гоша стряхивает меня с колен, и я иду к барной стойке. Взгляд на Никитина. Не смотрит. Пьёт скотч, болтает с друзьями. Видимо играть не будет... или будет?

- Кукла, давай у шеста. Мы посмотрим. Развлеки нас.

Иду к шесту в самом углу залы на своеобразной крошечной сцене. Играет дурацкая музыка. У меня в руках бокал с мартини. Столик Никитина возле сцены. Прохожу мимо и ставлю бокал, на ходу сбрасывая короткую куртку на пол. Вот теперь они должны смотреть мне вслед. Обязательно. На мне короткий топ и джинсовая юбка, наклонюсь, и красивый вид сзади им обеспечен, спина открыта, высоченные шпильки. Я виляю бёдрами. Вряд ли кто-то из них остался равнодушен.

- Давай, детка, - подбадривает Гоша.

Я начинаю танцевать. Привычно. С шестом знакома. Пилон - одна из обязательных тренировок с хореографом, с постановкой танца и пластики, а также акробатика.

Мне есть, что показать, и я показываю. Знаю, что теперь смотрят все. Прокручиваюсь вокруг шеста, резко поднимаю голову, волосы падают на лицо. Встречаюсь с ним взглядом. Смотрит. Чуть прищурился. С интересом. Оценил. Ещё бы. Иначе и быть не могло. Теперь он периодически бросает взгляд на сцену. Через некоторое время Гоша тянет меня обратно к столику и заставляет сесть на колени к Артисту. Вот сейчас я точно знаю - Никитин не сводит с нас глаз. Оценивает ситуацию. Кажется, начал понимать, что именно происходит. Я встаю с колен Артиста и громко говорю, что мне надо в туалет. Он пойдёт за мной. Должен. Если не нет, то это проигрыш. Времени мало.

Захожу в туалет и смотрю на себя в зеркало. Выгляжу как надо. На все сто. Томные зелёные глаза с чёрной подводкой, пухлые губы, курносый нос, ямочка

на щеке. Кукла. Длинные ресницы, тонкие брови, вьющиеся волосы. Сколько мне лет? В промежутке от шестнадцати до восемнадцати. Выгляжу я именно так, а паспорт никто не попросит. Я красивая и я об этом прекрасно знаю. Ведь недаром куклой зовут. Кличку Макар придумал. Фантазёр хренов, я тогда блондинкой была. Четыре года назад.

Ещё несколько секунд смотрю на своё отражение, достаю флакончик из лифчика и капаю в глаза. Жжёт. Несколько секунд, и склеры краснеют, по щекам катятся слезы. Кусаю губы, чтобы стали более припухлыми. Кукла плачет. Красиво плачет. Хоть снимай на видео. Считаю мысленно до десяти. Никто не заходит. Неужели? Просчиталась? Выхожу из туалета... Объект курит прямо у выхода, облокотился о стену, смотрит чуть прищурившись. У него интересное лицо. Очень мужественное, даже грубоватое, а вот глаза. Даже издали видно длинные ресницы. Взгляд с поволокой. Заметил слезы? Я прохожу мимо.

- Проблемы? - доносится вслед.

У меня? Нет, милый, в эту самую секунду проблемы начались у тебя.

Гоша выскакивает "на сцену". Пощёчина. Я хватаюсь за лицо. Он бьёт ещё раз уже по другой щеке.

- Сука. Я сказал не уходить? Я сказал сидеть у него на коленях? Сказал или нет?

Хватает меня за волосы. Больно, но так надо. Мы это репетировали сотню раз.

- Эй, поаккуратней с девушкой. Руки убрал!

- Потухни, м***к. Не твои разборки, не лезь.

Гоша демонстративно тянет меня за волосы по коридору. Две секунды, и он уже валяется на полу, зажав руками разбитый нос. Никитин стоит над ним, потирая костяшки пальцев.

- Это за му***а.

Все идёт по сценарию. Врывается Артист с пушкой на взводе и целится в Никитина. Интересная реакция у объекта – лыбится. Хищная улыбка. Опасная. Мне нравится. Интересный тип, очень харизматичный. Я кое-что таки упустила, изучая его в течение месяца.

– Я так понял, вы играете? Может, сыграем вместе?

Есть! Адреналин тут же подскочил выше нормы. Есть! Попался!

– На хер ты нам нужен? – стонет Гоша, поднимаясь с пола и вытирая разбитый нос платком.

– Какие ставки? – не унимается Никитин

– Тебе не по карману, м***к! – ещё один удар, Гоша в нокауте. Артист по-прежнему держит Никитина на мушке. Тот пожал плечами:

– Я его предупреждал насчёт му**ка. Так какие ставки?

– Кукла, – отвечает Артист.

– Она что ли? – Никитин смотрит на меня. Точно, глаза серые, как сталь. Или как молния за секунду до вспышки. Я киваю и закусываю нижнюю губу.

– Ага, вот эта сучка. А проиграешь – штука баксов. Есть такие бабки?

Никитин молчит. Артист хватает меня под локоть.

– Не все готовы заплатить тысячу баксов за минет с такой красивой сучкой, как ты. Не все такие идиоты, как я. Зацени, Куколка, на что я готов ради тебя.

– Пошёл на хрен, – прошипела я.

– Тихо, тихо, моя сладкая. Не тебе решать.

Гоша поднялся с пола и поплёлся за нами. Прошёл мимо Никитина и задел плечом. Черт. Я затаила дыхание, да и все наши тоже. Объект молчит. Твою мать, он молчит.

Вернулись в залу. Артист стискивает меня и снова сажает к себе на колени. Гоша ругается матом. Я молча считаю до ста. Внезапно Никитин придвигает стул к нашему столику и садится напротив меня с Артистом. Достает из внутреннего кармана куртки увесистую пачку денег и кладёт на стол.

- Играем?

Гоша присвистнул.

- С одним условием. Она пусть в сторонке посидит.

Рыцарь ты мой. Я смеюсь про себя. Знал бы, кого спасаешь.

Конечно, он выиграл. Артист и Гоша, правда, помотали его маленько, но выигрыш был честным. Теперь самое интересное. Роль нужно выдержать до конца. Артист достал ствол, начал угрожать объекту, размахивать руками. Получил в челюсть, притом несколько раз, и остался без пушки. В драке Никитин походил на танцора. Божественно двигался, как в кино. Я даже засмотрелась. Все удары чёткие, резкие, продуманные, отточенные. Раскидал парней в два счета и обезоружил. Красиво, честно. Все, как мы планировали. Правда, Гоше светит больничка – нос ему все же доломали. Так и надо козлу, он таки выдрал мне прядь волос. Отомстил сволочь за то, что по яйцам когда-то дала.

Я вжалась в стену и смотрела на победителя расширенными глазами. Он поднял с пола мою куртку и бросил мне. А потом... Ни хрена себе. Он просто ушёл. А вот это уже не по плану. Нужно срочно импровизировать. Разве он не должен воспользоваться выигрышем? А как же характеристика бабника, кобелины и сексуально озабоченного типа? Я ведь на это рассчитывала. Вот черт. Я бросилась за ним.

- Эй

Он обернулся, как раз подошёл к своему "шевроле".

– Можно с тобой?

Усмехнулся уголком рта, а глаза все равно холодные, серые, колючие.

– Зачем?

Как ушат холодной воды. По плану он должен был затащить меня в постель. Или что-то не так со мной? Пришло время пустить в ход более сильное оружие. А как насчёт жалости, рыцарь?

– Мне некуда идти... Если бы ты проиграл, я бы пошла к Артисту... А так, на улице ночевать.

На его лице недоумение. Пожал плечами и сел в машину. Вот дьявол. Твою мать. Уехал. Я облокотилась о стену и, закусив губу, села на корточки. А ведь все шло по плану. Прямо по нотам. Скрип покрышек... О да! «Шевроле» сдаёт задом и через две секунды поравнялся со мной. Дверца с моей стороны приоткрылась. Без лишних вопросов села рядом, и мы сорвались с места. Я ёжусь от холода. Смотрю, снимает куртку и даёт мне. Накидываю на плечи. Тепло. Пахнет сигаретами и его одеколоном. Хорошо пахнет. Мне нравится. Кутаюсь и перестаю дрожать. Ствол у него все же есть, сзади, за поясом штанов, но он его даже не вытащил. А зачем? Он мог убить одним ударом. Это я точно знала.

– Как тебя зовут? – закурил, а я смотрю на его профиль. Красивый. Не в моем вкусе немного. Не люблю блондинов. Но этот... Брутальная внешность. На фотографиях он смотрелся совсем иначе.

– Кукла, – ответила я.

Он усмехнулся.

– Кукла, значит кукла. Есть хочешь?

Немного не мой вариант игры. С ним планировала играть сексуальную жертву, а не девочку-подростка. Но видимо просчиталась.

– Хочу.

Отвернулась к окну.

– Дай сигарету.

– Ещё чего. Во-первых, принципиально не даю малолеткам, во-вторых, не люблю курящих женщин.

– А ты планировал со мной целоваться?

Посмотрела на него довольно нагло, и снова эта улыбочка. Сексуальная. Чтоб меня. Задевает «по самое не хочу», но больше всего задевает то, что он не смотрит на меня, как на женщину, а я привыкла к сальным глазкам, текущим слюнкам и неременной эрекции, когда я поблизости. Точнее, не так. Он смотрит. Ещё как смотрит, только взрослой женщиной меня не считает.

– В-третьих, я не педофил, ясно?

Ясно. Я перестаралась с этим сладким образом. Да, мне девятнадцать, почти двадцать, придурок. Хотя выгляжу я младше, когда захочу. Но видно сейчас, в полумраке, с размазанной тушью и припухшими губами я тяну на пятнадцать или шестнадцать.

– Мне семнадцать, – соврала я.

– Может, шестнадцать с половиной? – сказал он и затянулся сигаретой. Черт, и мне хотелось курить, очень.

– Семнадцать с половиной. А тебе?

– На десять больше. Значит так, Кукла, мы едем ко мне. Ты тихонько поспишь на диване, а завтра свалишь, ясно? Кстати, за воровство отрезаю пальцы.

Даже не обернулся ко мне. Черт, какая-то часть меня взбунтовалась.

– Я не воровка.

– Вот и отлично. Просто предупредил.

Я прекрасно знала его квартиру и изнутри, и снаружи. Но разыграть дезориентацию в чужом помещении не составило труда. Я сняла туфли и отдала ему куртку и сумочку. Никитин разделся. Остался в футболке и джинсах. Окинул меня взглядом.

– Пойди в душ сходи. Боевой раскрас смой. Поищу для тебя переодеться, и ужинать будем. Кукла.

– А... ты...

– Алексей Алексеевич, – сказал он и стянул футболку через голову, бросил на кожаный диван.

– Да, ладно. Ты серьёзно? Может, просто Лёша? – я капризно надула губки. Хочет девочку, будет ему девочка.

– Для тебя Алексей Алексеевич, желательна на «вы», и точка.

У него красивое тело. Рельефное, мускулистое. Накачанный пресс, сильные руки, широкие плечи. На правом плече татуировка. На руках проступают вены, как провода с нервами. Тронешь – лопнет. Обычно у блондинов светлая кожа, а у него бронзовая, тёмная. И ещё контраст волос и бровей, сумасшедший контраст. У него черные брови и черные ресницы. Я открывала в его внешности новые грани. Они меня волновали. Не знаю, с какой стороны, но эмоционально я вспорхнула вверх.

– Ванна по коридору налево.

Ванная комната явно свидетельствовала о том, что здесь не обитает женщина. Впрочем, я и так знала – Никитин баб домой не водит. Была одна пару лет назад, и все. Я влезла под душ, растёрла себя мочалкой, вспенила волосы мужским шампунем. Я лихорадочно думала. Что ж. Такой расклад мне даже нравился. Хотя меня и готовили, что скорее всего на этом задании придётся расстаться с

девственностью. Меня это не страшило. По барабану. О сексе я знала все. Меня научили. Теоретически. На практике пока не приходилось. Точнее, задания были с сексуальным подтекстом, но меня ещё ни под кого не подкладывали. Видно берегли мою девственность для особого случая. Я знала, что рано или поздно это произойдёт. Почему-то сейчас меня это не только не напрягало, а в какой-то мере даже возбуждало. В голове замигала красная лампочка "ОСТОРОЖНО ОБЪЕКТ". Да, знаю я, знаю. Никаких эмоций. Просто интересно. Он интересный и... красивый. И я люблю играть. Люблю провокацию, и чем тоньше и эмоциональней игра, тем больше удовольствия я испытываю. Я люблю сложную игру, на грани. Раньше ОНИ быстро проигрывали, а с ним будет сложнее. Прорвать плотину. Дьявольски интересно. Я выключила душ. Постояла несколько минут, выбирая полотенце.

В дверь постучали:

- Можно?

- Да, - ответила не задумываясь.

Он переступает порог и замирает. Вряд ли я похожа на жертву педофила. У меня округлая грудь, тонкая талия, крутые бедра. Я худенькая, но не хрупкая. И у меня далеко не тело ребёнка. Он покраснел? Ещё бы. Ведь глаза-то мужские, и не смог удержаться. Царапнул взглядом все тело и тут же отвернулся. Интересно, у него встал? Почему от этой мысли между ног стало горячо.

- Твою мать! - протягивает мне одежду, я осторожно беру, и он выскакивает из ванной как ошпаренный. Триумфально улыбаюсь. Наверное, теперь Никитин сомневается - извращенец он или нет.

Я натянула на голое тело его рубашку, покрутила в руках мужские шорты и закинула их на стиральную машинку. Рубашка и так достаёт мне до колен. Открыла дверь, внизу на коврик стоят тапочки. Заботливый. Сунула холодные ноги в обувь и пошлёпала на кухню. Никитин возился у плиты на которой сердито шипела сковородка с яичницей. Я облокотилась о косяк двери, накручивая прядь волос на палец.

Закипел чайник и объект налил кипятка в чашку, резко обернулся и ошпарился. Поднёс палец к губам. У него красивые губы. Чётко очерченные. Я облизала свои

кончиком языка. Мне даже захотелось самой пососать его палец. Черт, отчего он так нервничает? Ах да. У меня в руках платье и трусики с лифчиком, а это значит, что под его рубашкой на мне ничего нет. Смутился? Неужели?

- Садись за стол.

Кивнул на табурет. Я села и снова посмотрела, как он орудует со сковородкой. Холостяк. Сразу видно, сам себе готовит.

- Кукла, может, скажешь, как тебя зовут?

- А это важно?

- Ну, я обычно не привожу в дом чужих. Не нарушаю правила. Так что облегчи мне муки совести. Будем считать, что мы знакомы.

- Маша, - и сама удивилась, сказала ему настоящее имя. Непроизвольно. Чтоб меня. Засмотрелась на его трицепсы, когда он перекладывал яичницу мне в тарелку.

- Вот и хорошо, Маша. Ты спишь в зале на диване. Утром уматываешь.

Я кивнула и с наслаждением проглотила кусок яичницы, запила чаем. До утра я придумаю, как остаться с тобой ещё на одну ночь. А потом ещё и ещё. Потому что у меня в запасе только месяц. И пока что все идёт по моему плану. Вру, не все, но большая часть...

Я не спала. Никогда не спала на чужом месте. Закон. Смотрела в темноту. Интересно, он спит? Скорее всего нет. Вижу свет под дверью его спальни. Хотела встать, но послышались шаги, и я закрыла глаза. Я знала, что он выйдет проверить. У женщин есть редкая способность смотреть сквозь ресницы. Я видела, как Никитин неслышно подошёл к дивану. Остановился. Все ещё одет. Темные джинсы, кожаный пояс с металлической пряжкой прямо у меня перед носом. Как и ширинка... Захотелось судорожно сглотнуть слюну.

- Ты не спишь, - не вопрос, а утверждение.

Я тут же открыла глаза.

- Не сплю. А должна?

- По идее, должна, - задумчиво ответил он, стараясь не смотреть на мои голые ноги.

- Я - сова.

- Я тоже. Кофе будешь?

- Буду, конечно.

- Почему они играли на тебя в карты?

Я знала, что он спросит. Давно ждала. По идее, должен был это сделать ещё в машине.

- Денег должна, - ответила я и отпила кофе.

- Это я уже слышал. Сколько должна?

- Много.

Он прищурился, и я поняла, что это привычка. Кстати, ему шло. В уголках глаз появлялись морщинки. Мне нравилось.

- Я не люблю пространственные ответы, Кукла.

- Тысячу баксов.

Невозмутимо ответила я и снова отпила кофе. Чёрный. Как я люблю. С тремя ложками сахара.

– Круто. За что?

– Меньше знаешь, лучше спишь.

– Я вообще не сплю. Так что можешь говорить.

– Не твоё дело.

Он покрутил чашку на блюдце. Злится. Я чувствовала всем нутром, и мне это нравилось. Я кайфовала. Вытянула его на эмоции.

– Верно. Не моё. Все, вали спать.

Встал, пошёл в комнату. Я посмотрела на его куртку, висящую на вешалке. Из кармана торчала пачка сигарет. Если стащу одну сигарету, это ведь не воровство?

Я на цыпочках подкралась к куртке, схватила сигарету, и в тот же момент мои запястья перехватили жёсткие пальцы, сжали до дикой боли.

– Я предупреждал.

– Отпусти, – на глазах выступили слезы. Чертовски сильные у него пальцы.

– И не подумаю. Отдай то, что взяла, и вали отсюда нахрен.

Подняла на него глаза и прикусила губу.

– Уверен?

– На все сто. Ненавижу воровство, особенно в своём доме.

Он с такой силой надавил мне на запястье, что я невольно разжала руку, и обломки сигареты упали на пол. Он тихо выругался матом. Я дёрнулась к двери, но Никитин впечатал меня в стену.

– Могла попросить, – прошипел он. Его грудь вздымалась, и я видела, как раскачивается на цепочке медальон.

– Я просила – ты не дал. Прочитал лекцию.

– Ты так сильно хотела?

– Да! – выпалила я и потёрла запястье, на котором остались следы от его пальцев. Никитин отпустил меня. На секунду его взгляд задержался на расстёгнутых верхних пуговицах моей рубашки. Серые радужки слегка потемнели. Или мне кажется?

– Застегнись, – бросил он, – Я принесу лёд.

Через несколько минут я прижимала холодный компресс к синяку и курила. Он сам отдал мне сигареты. Бросил на диван целую пачку и ушёл к себе в спальню. Я не знала, кто сейчас проиграл. Он или я? Ментально Никитин отымел меня. Только что, когда грубо сжал меня у стены. Я поплыла. Если вообще точно понимала тогда, что это такое. Но мне стало нечем дышать. Я смотрела на его горящие глаза и чувствовала, что мне нравится эта грубость, властность. На секунду я готова была отдать ему контроль. Я возбудилась. Впервые с объектом. Захотелось забыть, кто я, и зачем я здесь.

Глава 3

Кукла. Россия. 2001 год

Утром я проснулась от того, что на меня смотрят. Пристально. Действуя мне на нервы. Я медленно открыла глаза. Лёша (я не могу называть его иначе... ну какой из него Алексей Алексеевич? А?) скрестил руки на груди и рассматривал меня. Сейчас его взгляд не выражал ровным счётом ничего. Полное безразличие.

– Уже восемь. Я на пробежку, а ты домой. Мама с папой, наверное, ищут.

Я фыркнула. Про маму с папой ещё рано заливать. Не время бить на жалость. Я уже знала, что будет дальше. Точнее, я предполагала. Немного выбивало из колеи его равнодушие или упорное желание казаться безразличным. Но у него такая профессия. Точнее, он так натренирован. Спецназ. Горячие точки. Назло папаше депутату, который упорно пытался отмазать от армии, а он ринулся в самое пекло. Выдержка железная. Но... ха... я расплавлю это железо. Или я – это не я.

Я потянулась. Как кошка. Удобный диванчик. Вообще квартира отличная, простовато для сынка депутата, но очень ничего. Мне нравилось. Рубашка поползла вверх и полностью открыла мои ноги, в миллиметре от... Резко открыла глаза. Да. Я знала, что он смотрит именно так. Ошалело. Потерял контроль на секунду. А я подхвачу, а обратно уже не отдам. Кадык Никитина судорожно дёрнулся, а грудная клетка начала хаотично подниматься и опускаться. У него хорошая память... Да, милый, под рубашкой ничего нет, ты все правильно помнишь... Он возвышался надо мной, как гора. Я не удержалась и опустила глаза ниже. Вот теперь у него стоял. Сто процентов. Спортивные штаны не скрывали эрекции. Так кто там говорил, что он не педофил? Смотрю в его глаза, а там серое пламя. Лёд сменился лавиной или жидким азотом. Все равно мне нравилось. До одури.

– Прикройся, мать твою.

Швырнул в меня мои шмотки. Пошёл в сторону кухни, на ходу доставая пачку сигарет из кармана. Готова поклясться, что у него дрожат руки. Какая нахрен пробежка? Он просто хотел выпереть меня из дома. А теперь? Тоже хочет? Или он уже хочет другого? Захочет. Все только начинается.

– Дверь не заперта, – крикнул из кухни чуть хриловато. Я его достала.

Круто. Хорошо. Пусть думает, что выиграл.

Стою у дороги. Он смотрит в окно. Я точно знаю. Игра продолжается. Я поставила ногу на бордюр и вытянула руку вперёд, голосуя. Скоро тут очередь выстроится. Я-то в коротенькой юбке, в топе, и куртка на плече. Волосы развеваются на ветру. Соблазн для придурков. А вот и первый. Подкатила иномарка-кабриолет. Парень в солнцезащитных очках с сигарой в зубах.

Смотрит на меня, улыбается.

– Куда отвезти, крошка?

Краем глаза вижу, как Никитин вышел из подъезда, руки в карманах на голове капюшон. Идёт к нам. Нарочито громко отвечаю:

– На край света, сладкий. Отвезёшь?

– Хоть на другую планету. Запрыгивай.

Открыл дверцу. В тот же момент мой вчерашний спаситель силой захлопнул ее и взял меня под локоть. На секунду наши взгляды встретились. Впечатляет. Злой. Глаза уже не серые, а черные.

– Эй, мужик! – парень в кабриолете явно возмутился.

– Потухни и вали отсюда!

Никитин потянул меня к себе, а я и не думала сопротивляться.

– Эй, отпусти девочку.

Тот хотел выскочить из машины, но Никитин посмотрел на него исподлобья.

– Не советую вмешиваться, – прозвучало убедительно, даже для меня. Парень пожал плечами и укатил. Лёша тряхнул меня за плечи, и волосы волной упали мне на глаза. Я улыбалась.

– Ты! Ты что творишь? – рявкнул он, – Ты хоть знаешь, что здесь за район? Тебя мама с папой не учили, не садиться к чужим в машину?

Вот он – момент. А теперь, давим на жалость.

– У меня нет мамы с папой, придурок. Отпусти.

- Так, пошли. Поговорить надо.

Бинго. Он тащил меня обратно, а я упиралась, что есть силы. Упала, разодрала коленку, тогда он перекинул меня через плечо и понёс по ступенькам. Толкнул дверь ногой, запер изнутри. Занёс меня на кухню и усадил прямо на стол. Оперся на руки по обе стороны от меня и смотрел мне прямо в глаза. Я всегда выдерживаю подобные состязания "кто кого пересмотрит", так что и в этот раз он первый отвёл взгляд.

- Давай, Кукла, рассказывай, кто ты? Только честно.

- А за вранье ты отрежешь мне язык?

На секунду его глаза вспыхнули. Потому что когда я это сказала, я провела кончиком языка по нижней губе.

- Нет, я дам тебе по заднице.

Во мне все всколыхнулось, обожгло низ живота. Почему-то представила себе, как его смуглые пальцы ложатся на мой белый зад, и стало трудно дышать.

- Дай, - сказала я, и он судорожно выдохнул. Похоже, хорошее воображение здесь не только у меня.

Никитин молча меня разглядывал, пока я, пользуясь моментом, схватила сигарету из пачки на столе. Молниеносно отобрал, сломал и швырнул на пол.

- Рассказывай, - прозвучало властно. О, у меня для тебя есть история. Несколько, на выбор. Не подкопаешься. Даже с твоими связями.

- Что рассказывать?

- Все.

- С чего начать?

Смотрю ему в глаза, и он снова щурится, сам закурил, затянулся сигаретой очень сильно. Но почему у меня от этого сносит крышу? Ведь ничего особенного. А меня просто потряхивает, когда он курит.

- Начни сначала. Кто? Откуда? По-порядку.

- Ты собирался на пробежку.

- Я передумал. Давай, солнышко. Я слушаю. Внимательно.

Черт. Меня, оказывается, прёт, когда мне приказывают. Ничего подобного раньше за собой не замечала.

- Мама и папа алкоголики. Сдохли лет пять назад. Воспитывалась в интернате. Год назад сбежала. Жила у кого придётся. Работала на Гошу. Все. Ничего интересного.

- Кем работала? - напрягся, ожидая ответа.

- Торговала. Курьер. Не наркота, не ссы.

- Разговаривай нормально.

Ладно. Нормально, так нормально. Я подстраиваюсь под тебя, милый, как ты, так и я. Тем более, мои ровесники тоже так разговаривают.

- Если ты имеешь в виду проституцию - нет, не было. А в стриптизе танцевала. До недавнего времени.

Он стукнул кулаком по столу.

- И куда мир катится? А школа?

Милый, какая школа? У меня с четырнадцати частные уроки в спец заведении.

- Нет школы. Год, как нет.

- Живёшь где?

- Квартиру снимала. Как Гоше задолжала, меня выперли. Теперь нигде не живу.

Он молчал. Долго.

- Паспорт есть?

- Нет. Меня вообще, вроде как, нет.

Он думает, напряжённо. Курит одну за одной.

- Значит так, Кукла. Остаёшься пока здесь. Живёшь по моим правилам.

Я кивнула и потянулась за сигаретами, но он ловко схватил пачку первым.

- Забудь. С сегодняшнего дня ты не куришь.

- Совсем? - я надула губки.

- Совсем. Куплю тебе пластырь, жвачку, и ты бросила.

- Нахрен тебе это надо?

Он усмехнулся. Красивый... офигительный.

- Я так решил. Достаточно?

Более чем. Это круче, чем я могла придумать. Это моя победа. Первая и, я думаю, совсем не последняя.

Напряжение немного спало, пока Никитин не открыл верхний шкафчик и не достал бинт, вату, перекись и йод. Вот хрень. Я это с детства ненавидела. Подорожник - самое лучшее лекарство. Ну, перекись. Только не это. Не йод. Я поёжилась.

– Дай коленку. Намазать надо.

– Не надо, – сказала упрямо и внутренне сжалась. Он схватил меня за лодыжку, удерживая ногу на весу. На секунду замер, и когда я поняла почему, у самой пересохло в голе. Он увидел мои трусики. Белоснежные, с кружевами.

– Не дёргайся, – сипло скомандовал и плеснул перекись на коленку. Подул. И я улыбнулась. Как трогательно. Словно я, и правда, для него ребёнок. А потом намазал йодом и снова подул. Я смотрела сверху вниз на его лицо, на ресницы, бросающие тень на щеки, на сильные пальцы, сомкнувшиеся на моей лодыжке, и даже не почувствовала боль. Меня скручивало внутри, нервы натянулись до предела. Представила, как пальцы, лаская, поднялись выше... Господи. Мысленно я уже застонала. Без вариантов, я хотела всю теорию применить на практике именно с ним.

– Щиплет? – снова подул.

– Да... больно... мне нравится.

Резко вскинул голову. В глазах полное недоумение.

– Что нравится? Когда больно?

– Когда ты держишь меня за ногу и дуешь. У тебя такие губы... это чертовски сексуально. Хотя и когда больно, тоже нравится.

Никитин выпустил мою ногу, сунул пузырьки обратно в ящик. Захлопнул с такой силой, что я невольно зажмурилась. Протянул мне бинт.

– Сама бинтуй.

Я кое-как попробовала, он несколько секунд наблюдал, потом отнял бинт и сам наложил повязку. Снял меня со стола. И на секунду, когда его большие ладони коснулись моей голой кожи на талии, меня шибануло током. Захотелось, чтобы опрокинул на стол, и чтобы вот эти пальцы трогали меня везде. Особенно там, под трусиками. Где уже давно стало влажно. Игра приобретала иные оттенки. Опасные, как языки пламени, потому что я начинала в ней участвовать. Наравне

с объектом. Он вывел меня на эмоции.

- Ещё одно условие, - Лёша словно почувствовал моё состояние, - Не смотри на меня так, поняла?

- Как так?

Он смутился? Отвёл глаза.

- Как на мужчину.

- А ты не мужчина? - я усмехнулась, дерзко и красноречиво опустила глаза вниз на его пах, где явно вырисовывалась длинная эрекция. Какой по счету раз за сутки? Судорожно глотнула воздух. Мне захотелось увидеть его член. Не только увидеть, трогать тоже хотелось.

- Твою мать, ты поняла, что я имею в виду. Ты - ребёнок. Тебе всего шестнадцать, - сипло сказал он.

- Семнадцать, - поправила я. Хотя для него это было одно и то же.

- К черту. Какая разница. Я не играю в эти игры с малолетками, поняла?

Я подалась вперёд и положила руки ему на плечи:

- В какие игры? Почему ты решил, что я малолетка? В моем возрасте другие...

Он грубо сбросил мои ладони и прошипел:

- Плевать на других! Это не МОЕ! Поняла? Не МОЕ, и все! Забыли. Проехали. Меня не прет.

- Неужели? - я смотрела на его пах, не мигая. Он знал, что я вижу его возбуждение.

Никитин злился. Я не понимала на кого больше: на себя или на меня? Скорее всего на нас обоих

- Позавтракаешь, и поедem в магазин. Купим тебе нормальную одежду. В ЭТОМ барахле, ты ходить по дому не будешь.

- А в эти игры не играю я, - ответила жёстко и поправила юбку.

- В какие игры?

- Не люблю долги. Расплачиваться приходится. Рано или поздно. Ты ведь не мой "папик"?

- ЧТО?

- Ну, «папик» - этот тот, кто содержит, ясно?

Ему не нравилось то, что я говорила, и он прекрасно знал, что такое «папик», это сравнение разозлило его ещё больше. По понятным причинам. Но об этом потом.

- Со мной не придётся расплачиваться, - серьёзно ответил он, продолжая смотреть мне в глаза.

- А жаль, - игриво заметила я и окончательно сбила его с толку.

- Черт, ты выводишь меня из равновесия. Я тебя не понимаю.

Кайф. Мне нравилось, что он в растерянности.

- Офигительно. Я не люблю, когда меня понимают.

Тяжело вздохнул, потянулся за бумажником.

- Все, поехали. Ко мне сегодня гости приходят. В таком виде я тебя им не представляю.

– А кем ты меня вообще представишь?

– Не знаю. Сестрой, наверное, или племянницей. Дочкой друга. Кем же ещё?

Я усмехнулась.

– Мог бы рассказать какой ты рыцарь.

– Я расскажу то, что считаю нужным, а ты просто помолчишь, если хочешь здесь остаться.

– А если не хочу? Что тогда?

Я его бесила. Ему неумолимо хотелось меня потряхнуть или стукнуть, а я провоцировала. Мне нравилось держать его в тонусе. Очень нравилось. И себя вместе с ним.

– Все равно останешься. Я так решил.

О боже... я снова плыву. Не могу, когда он говорит вот этим властным тоном, у меня коленки подгибаются. Макар был прав. Мы выбрали правильную тактику. Он клюнул. Почему? Знал только Макар. Ни с одним из моих объектов игра не затягивалась настолько, не была на грани, на пределе. Сейчас меня выкручивало ментально. И его запреты будоражили. Он сам себя «связывал» мысленно. Запрещал себе. Интересно, когда он сорвётся, как это будет? Я хотела увидеть зверя. Адреналин просто зашкаливал. Потому что у меня плохо получалось играть и в тот же момент принимать участие. Или то, или другое. Когда я на него смотрела, я уже не играла. А должна. Всегда должна играть. Кроме того, у меня мало времени.

Мы сели в его «Шевроле». Никитин демонстративно меня игнорировал. Мне было жарко, я включила кондиционер, повернула громкость на магнитоле, а потом скинула туфлю и поставила ногу на торпеду, неподалёку от его руки, у руля. Мне понравилась музыка, которую он слушал. Я запрокинула голову и прикрыла глаза, украдкой наблюдая за ним. Лёша смотрел на дорогу, сосредоточено, стараясь не цепляться взглядом за мою ногу. Так близко от его руки. В этот

момент мне было интересно, что происходит в его голове. Там наверняка маленький апокалипсис. Он не мог разобраться в себе. Когнитивный диссонанс. Моя любимая тактика. Первое, он собирается обо мне заботиться, какого хрена неизвестно, но мне нравилось. Второе, он дико меня хочет, а третье, он ненавидит себя за второе, да и меня тоже. Конечно. Его последней подружке было двадцать шесть. Его ровесница. Да и другие примерно в том же возрастном диапазоне. А вот я не вписываюсь. Только его это заводит.

Мы проезжали мимо речки, я высунулась в окно... пахнет... водой, камышами.

- Останови. Мне надо выйти.

- Мы почти приехали.

- Пожалуйста, останови.

Несколько секунд, и он замедлил ход, свернул к обочине.

- Очень надо, - жалобно добавила я, - Я хочу...

- Давай без подробностей. Иди.

Я засмеялась и босиком вылезла на тёплую траву. Напрасно он не дал мне договорить. Потому что очень скоро Лёша выйдет за мной. Не спеша я сорвала несколько колосков.

Как долго он будет ждать? Пять минут? Десять?

Я подошла к кромке берега и с наслаждением тронула воду кончиками пальцев ног. Тёплая. Решение было мгновенным и рискованным. Я не знала, какая там глубина. Но соблазн... Все та же игра... Это приятно, чертовски щекочет нервы. И я стянула топ через голову, расстегнула змейку на юбке и, оставшись в белых кружевных стрингах и лифчике, шагнула в воду.

- Кукла! - он забыл моё имя сто процентов.

Обернулась – бежит, оглядывается по сторонам. Заметил.

– Эй, не смей!

– Да ладно тебе!

Я шагнула в воду.

– Ты плавать умеешь?

– Сейчас проверим, – крикнула я и нырнула.

Как же хорошо. Особенно в августе, когда солнце палит просто беспощадно. Я вынырнула и увидела, как он на ходу стягивает спортивную кофту, кроссовки. Снова нырнула. Уже глубже. Пусть поищет. Я могу задерживать дыхание на три минуты.

Но, уже ровно через одну, сильные руки сцапали меня за талию и толкнули вверх. Мы вынырнули оба. О, как же он зол. Физически ощущаю его ярость.

– Ненормальная! Чокнутая! Здесь глубина и течение. Каждый год по дюжине трупов вылавливают.

– Круто.

Я засмеялась, и он опешил. Невольно засмотрелась, как капли воды стекают по его лицу, по скулам, по губам. Захотелось их слизать. Но вместо этого я брызнула на него водой и снова нырнула. Когда вынырнула, Никитина рядом не оказалось. А потом меня схватили и потянули вниз, долго удерживая под водой, в расчёте, что я начну барахтаться. Дудки. Надо будет, и четыре минуты вытерплю. Не выдержал. Вытащил на поверхность. Вяло падаю ему на грудь и не подаю признаков жизни.

– Кукла! Эй! Бл... твою мать.

Поплыл к берегу, быстро, очень умело загребая одной рукой. А я расслабилась. Сейчас. В этот момент.

Вытянул на берег, осторожно положил на траву.

- Эй, - похлопал по щекам, а я задержала дыхание снова.

- Черт, девочка, не пугай меня.

Надавил мне ладонями на грудь и прильнул к моему рту, делая искусственное дыхание. Я вскинула руки, обхватила его шею и жадно провела языком по его влажным губам. Таки слизнула капли... вкусно-то как. Замер. А я открыла глаза и захохотала.

- Ну, ты и... стерва.

Разозлился, швырнул меня на траву. Только сейчас я увидела, что он нырнул в спортивных штанах и носках, вода с него стекала ручьями, я засмеялась ещё сильнее. Никитин достал из кармана мокрую пачку сигарет. Выматерился.

- Маленькая дрянь, - прошипел он, а я встала в полный рост и выкрутила длинные волосы.

- Пошли, искупаемся. Все равно ты уже мокрый. Вода такая тёплая. Кстати, я очень хорошо плаваю.

Только сейчас он вдруг стиснул челюсти, и серые глаза снова потемнели. Не смотреть на него, как на мужчину? Ха... а он сейчас разве не смотрит на меня, как на женщину? Белое белье промокло насквозь и полностью просвечивало как мои напряжённые соски, так и полоску волос на лобке. Его грудь начала вздыматься настолько хаотично, что у меня дух захватило. Вена на его мощной шее пульсировала, брови сошлись на переносице, он даже побледнел. На меня ещё никто так не реагировал. Или точнее, ничей взгляд меня не трахал столь бесцеремонно.

- Так ты идёшь? Ну, как хочешь.

Покачивая бёдрами, я пошла к воде. Он смотрит мне в след. Сто процентов. Стринги подчёркивали округлость моей упругой попки. Годы тренировок не прошли даром. У меня идеальное тело. Его пестовали и холили, как самое

бесценное оружие массового поражения. Но сейчас мне хотелось поразить только его. Всплеск позади меня. Ещё одна победа. Хороший мальчик, ты начинаешь играть по моим правилам, а точнее, без правил.

Призрак. Израиль. 2009 год

У каждого в жизни случается своё персональное землетрясение. Моё свершилось, когда я встретил тебя. Маленькую, испуганную жертву. Я жестоко ошибся. Жертвой был я. Напиваюсь до одури и вспоминаю, как ты смотрела на меня. Женщина-ребёнок. С ангельской внешностью и чёрной дырой вместо сердца.

Это не про тебя. Ты кто угодно, но не ребёнок. Скорее, ты проклятие. Или клетка, добровольная. Пожизненная каторга. Первая встреча. Контроль ещё у меня. Точнее, я думаю, что он у меня, а ведёшь ты. Всегда ты. Манипулируешь мною, а я связываю себя по рукам и ногам. Нельзя. Маленькая ещё. Ни хрена не маленькая. Смотрю на тебя, и он стоит, колом. Думаю о тебе, и тоже стоит. Я подсел на тебя в ту самую минуту, как увидел. Глаза твои зелёные. Заботиться хотел. Идиот. Я мог дать тебе все, а тебе не надо. Но я все равно давал, а ты брала. Жадно. Вместе с душой выковыривала, вместе с сердцем. Всегда мало.

Вышвырнуть хотел в первую же минуту. Интуиция подсказывала – ты неприятность. Большая такая. Персональный ядерный взрыв, и после тебя от меня останется пепел. И не смог. Ушла, а во мне пусто стало. И ревность. Дикая. С первой секунды. Хоть и не моя. Мне хотелось тебя убить, мне хотелось нежно прижимать тебя к себе. Куколка моя, маленькая, нежная. А ты не такая. Нежность? Вы с ней не совместимы. И секс с тобой животный. Тебя только так заводило. Я жалеть хотел, на руках носить. А ты жести. Доведёшь, ударю и знаю, что ты уже влажная. Для меня. Разбудила во мне зверя, и мне понравилось. Играть в твои игры. Только я не знал, что игрушка – это я. Я найду тебя, Куколка. Скорее всего, я тебя убью. Потому что я уже умер. Давно. Живу только мыслью, что последний раз посмотрю в твои сучьи глаза и задущу. Своими руками. И я уверен, когда ты будешь умирать, то испытаешь наслаждение. Тебе нравится боль. Любая. Твоя. Чужая. Главное боль. Ты всегда ее занносишь в топ своих самых изысканных удовольствий. Социопатка, психически неуравновешенная маленькая дрянь. Я подарю тебе то, чего ты так жаждешь. Ты ведь помнишь? Я всегда давал все, чего ты хотела. Любое удовольствие, любой каприз. На грани. Ты моя одержимость. Я сумасшедший. Ты

сделала меня таким. Зависимым от тебя. И я иду за тобой.

Глава 4

Кукла. Россия. 2001 год

Не люблю гостей. Ни чужих, ни своих. Хотя своих смутно помню. Они мне мешают. Всегда. Больше шести человек уже толпа. У Никитина собралось человек десять. Три девушки и семь парней, примерно одного возраста. Присматриваюсь к мужчинам. Я всегда оцениваю. Будет мне интересно и вкусно или нет? Наверное, поиск потенциальной жертвы. Это, как поставить плюстик в личном списке. Легкие победы не в счёт. Но сейчас Никитин занимал все мои мысли, поэтому другие стали прозрачными, бесцветными. Как если бы я выбирала между коньяком тридцатилетней выдержки и бутылкой «русской» водки. Девушки, вроде как, сами по себе. Одна из них с претензией на самого хозяина. Ну-ну. Удачи. Мне она даже понравилась. Хорошая девушка. На вид лет двадцать пять. Блондинка, полноватая, с длинными волосами. Типаж сельской красавицы, которую нарядили в дорогие гламурные шмотки. Симпатичная. Влюблена. В Никитина конечно. Эдакая девушка Тургенева в короткой тунике ярко-розового цвета. Безвкусица.

Лёша меня, конечно, представил, сказал, что я его племянница. Но ее напряг я почувствовала. Точнее, она почувствовала, что я и Никитин далеко не родственники.

Первая ошибка. Она решила подружиться. Плохая тактика. Шаблон. Не моё. Не действует.

– Тебя Маша зовут, да?

– Точно, а тебя Юля?

– Оля.

– Ах да, прости.

Нарочно Юлей назвала. Бывшую Лёши так звали, и эта, несомненно, знала и болезненно поморщилась. Неприятно? А так?

– Он просто сказал, что Юля придёт, перепутал наверно.

Смотрю из-под ресниц, а девочка занервничала. У неё с ним было. Может один раз, но точно было. Лёша наблюдал за нами с балкона. За мной. Точно ожидал, что я выкину какой-нибудь фокус. Потягивает пиво, болтает с дружками, но глаз с меня не сводит. Мне нравится, как он держит горлышко бутылки и когда делает глоток линия его скул совершенна. Капля пива катится по подбородку, сильной шее. Возникает желание поддеть ее языком как раз там, где ямочка у ключиц.

Облокотился спиной о перила. У него красивые руки. Сильные. Возбуждает. Рукава светлой рубашки закатаны по локоть. Широкие запястья большие кисти рук, покрытые светлыми волосами, часы «Ролекс». Ух ты, а у меня появился личный фетиш. Даже не думала о себе такого. Как бы моё поведение назвала Аллочка Валерьевна... мой психиатр?

Продолжает смотреть, а я на него. Отсалютировала лимонадом. Повернулась к одному из друзей, кокетливо улыбаясь, положила в рот маслину, не забыв облизать пальчики. Парень тут же засмотрелся. Повернулась к Никитину. Продолжает наблюдать. Сильно затянулся сигаретой.

А что? Я выполняла его указания. Я разве хамлю? Грублю? Вульгарно себя веду? Пока нет.

– Маша, а ты в каком классе учишься? Лёша сказал, что ты...

Я совершенно забыла об Оле. А она тем временем пристроилась рядом со мной. Насыпала мне салат, положила два куска ветчины. Ну, естественно, чтоб Никитин видел какая она хорошая. Оленька, они не любят хороших. Я точно знаю.

– В одиннадцатый иду. Первого сентября.

Как забавно. Мне это задание нравится все больше и больше.

Снова смотрю на Никитина. Сажусь на ручку кожаного дивана. Да, даже в этой парандже что ты мне купил, я выгляжу круче твоей телки в платье от «Версаче». Круче, потому что у неё ноги короткие и полные. А на мне и эти скромные джинсы смотрятся шикарно. И кофточка под горло обтянула тело. И упс... я забыла одеть лифчик. Ты ещё не заметил. Но скоро заметишь, я обещаю.

Толпа собралась возле стола. В стопках водочка на скатерти салаты и закуски, заботливо приготовленные Олей. Она плотно поселилась на кухне, как только пришла. Все взяла в свои руки. Такой твой типаж, Лёша? Об этом ты мечтал всю жизнь? Мне стало скучно. Разговоры ни о чем.

Теперь уже я вышла на балкон. Черт, а сигареты он унёс. Не забыл. Курить охота... А охота пуще неволи.

- Привет.

Оборачиваюсь. Друг его стоит. Слегка пьяненький. Курит. Подфартило.

- Привет.

Отвечаю я и облакачиваюсь спиной о перила.

- Я Боря.

- А я Маша.

Он ошалело уставился на мою грудь под синей водолазкой. А я выгнулась ещё больше. Пусть рассматривает. Облизывается. Мне нравится. Люблю шокировать. Кайф. Протягиваю руку и забираю у него сигарету. Медленно затягиваюсь, тоненькую струйку пускаю в его сторону.

- Тебе сколько лет, Маша? – похоже, мальчик моментально протрезвел.

- Ей шестнадцать, – Никитин занял собой все пространство. Бросил на меня тяжёлый взгляд. Ещё злиться за выходку с речкой? Ничего. Пройдёт. Перевёл взгляд на сигарету и брови сошлись на переносице.

- Ты ей сигарету дал?

- Я сама взяла, - ответила и склонила голову набок. Он сейчас из-за сигареты или моё уединение с Борей напрягло? Ревнует? Или просто не доверяет?

Подул прохладный ветер, вызывая мурашки на коже. Никитин опустил глаза на мою грудь и судорожно глотнул слюну. Через две секунды он уже вытолкнул Боречку с балкона. Я пожала плечами и повернулась спиной к двери. Сигарету не забрал и на том спасибо. Пуская колечки дыма на улицу, смотрю на звезды. Скучно.

- Ты нарочно? А?

- Конечно, - я засмеялась, зная, что сейчас он прожигает меня взглядом сзади.

- Успокойся, моё белье ещё не высохло, а другого нет.

Он забыл о нижнем белье, когда мы устроили шопинг, а я не напомнила.

- Спать иди. Уже поздно. Мы до утра сидеть будем.

- Где спать? Вы на моем диване развалились, - фыркнула я и щёлкнув пальцами запустила окурок вниз, с четвёртого этажа.

- У меня в спальне поспишь. Устраивает?

Я резко повернулась. В полумраке его лицо казалось ещё красивее. Особенно глаза. Черт, вот сдались они мне. Но это действительно так. Самыми сексуальными и дико возбуждающими были его глаза.

- А Оленьку где трахать будешь? На лестнице? Боюсь, ей не понравится. Не даст...

Он резко схватил меня за плечо, довольно ощутимо. От него пахнет спиртным, сигаретами и одеколоном. А ещё его телом. Офигительный запах. Я принюхалась и слегка прикрыла глаза.

- Это уже слишком, Кукла. Ты перегибаешь.

- Ты разве ее не трахаешь?

- Перестань говорить это слово и еще так громко, - зашипел он.

- Стесняешься? Себя или ее?

- Просто не твоё дело.

- Верно не моё. Трахай на здоровье, если не скучно и хочется.

В полумраке сверкнули его зрачки.

- Иди в спальню. Сейчас.

Я провела кончиками пальцев по его скуле. Ощущения понравились. Очень вкусно, как и лизать его нижнюю губу. На секунду Никитин замер, а я выбила почву из-под ног окончательно.

- А я бы дала тебе на лестнице. А ещё на столе или в твоей машине.

В этот момент я прижалась к нему всем телом. Торчащими сосками потёрлась об его торс. И он дёрнулся. Непроизвольно сомкнул руку на моей талии.

- Лёша, - Оля застыла прямо на пороге с подносом в руках. Зазвенели чашки. Эмоции. Ревность. Собственничество. Бред.

- СПАТЬ! - рявкнул он, и я растеклась... о боже... это круто. Никитин подтолкнул меня к двери. Пусть оправдывается. Инцест - это вам не шуточки... Я хихикнула и пошла в спальню.

Я воспользовалась моментом. Нет не по работе, просто осматривалась. Интересное жилище. В спальне ни одного стула. Только кровать, книжная полка,

шкаф и тумбочка. Ах да ещё телевизор и ноутбук. Я плюхнулась спиной на постель, растянулась прямо на покрывале, сбросила тапочки. Долго смотрела на полку с книгами, пока не заметила ту, которая привлекла внимание. «Эммануэль». Крутяк. Никитин такое читает? Или его бывшая? Или они вместе? Давно когда-то начала читать, да все времени не было закончить. Занятное пособие по теории. Мне нравилось. Лёгкое чтение с углублением в пространственную философию на тему секса со всеми, кого хочется. Я любила момент где Жан лишал ее девственности. Странно, Эммануэль я всегда себе представляла, а вот ее партнёров нет. Никогда. А ещё я любила кусочек, где она сама себя ласкала пальчиками. Никогда не решалась попробовать. Я любила ментально себя связывать. Запрещать. Не касаться. Зачем? Мне было не интересно при всем моем любопытстве. Нет, не верно. Я любила оттягивать. Ведь всегда можно, верно? Тогда почему не поиграть с самой собой в запреты? Офигительно стимулирует силу воли. Хотеть, изнемогать и не позволять. Больно. Но зато какой кайф. Любимая забава. Не только с собой, но и с другими. Например, с Никитиным. Ведь он тоже себя связывает. Подумала о нем, и стало ещё больнее. Между ног растёкся жар и влага. Гости ушли. Зато Лёша и Олечка бурно выясняли отношения. Эммануэль отдавалась греческому богу прямо в самолёте, а Оленька ругалась с моим спасителем на кухне. Я слышала обрывки фраз.

- Что? И ты привёл ее домой? Да ты с ума сошёл.

- Тихо, не кричи. Поживёт пару недель, помогу ей и съедет. Ей идти некуда, понимаешь? Она хорошая девочка.

- Она стерва малолетняя и использует тебя! Может она воровка, наркоманка.

- Нет, я в людях хорошо разбираюсь, - эта фраза заставила меня тихо засмеяться, - Оля, ей всего шестнадцать. О чем ты? Ради бога.

- Она смотрит на тебя как голодная кошка, - истерические нотки. Дура, Оля. Мужики истеричек не любят. Ты б ему минет сделала прямо на кухне, и он бы сам про меня забыл. Хотя, нет. Ему уже с тобой не интересно. Дело не в минете, а в том, кто его делает.

- Ну и что, что смотрит. Оля, ну какое это имеет значение у нас разница десять лет. Она школьница ещё. Я документы ей достану, учиться отправлю. Она милая

девочка.

Я усмехнулась. Вот он сам себе меня продаёт. Уговаривает. Отличный шаг в телемаркетинге, заставить покупателя, рассказывать кому-то о товаре, в этот момент он убеждает сам себя, насколько товар ему нужен и почему. Приемлемо ко многим ситуациям в жизни. Мы всегда что-то покупаем и продаём. Никитин меня «купил», только что. Кстати он с ней встречается. Интересно. В досье этого не было. Хотя я знала о существовании всех его друзей и знакомых. Олечку упустила.

Макар. Россия. 2007 год

У него, Глеба Николаевича Макарова, паршивая отвратительная работа, но он ее любил. Чувствовал себя эдаким скульптором, который лепил из ненужного материала, шлаков и отбросов идеальные машины для убийства и выполнения самых сложных заданий. Он выискивал их как алмазы в куче дерьма и никогда не ошибался. Все они были у него на крючке. Он знал их как облупленных. Держал на коротком поводке. А они стали его преданными щенками, лизали его руки и ластились. Они от него зависели. В чем-то он их Бог. А ещё они его боялись. Смертельно до синевы на губах и до дрожи в коленках. Макар (проф. кличка) открыл папку и пролистал несколько страниц.

Алла Валерьевна Бензарь. Психиатр.

СТЕНОГРАММА (6 декабря 1997 г):

- Маша, ты помнишь, как звали твою маму?

- Да.

- Машенька, расскажи мне, ты дружишь со своими сверстниками?

- Дружу.

- Вот кого ты больше всех из них любишь?

Тишина... довольно долго.

- Хорошо, Маша, я спрошу по-другому. К кому ты привязана больше всех? По кому тоскуешь?

- По Барсуку.

- Это тот мальчик, с которым ты жила в картонной коробке на чердаке.

- Да.

- А сейчас здесь, по кому скучаешь?

- По Барсуку.

- Хорошо, Маша, я поняла. Прошло мало времени, и ты пока не нашла себе хороших друзей. Давай рассмотрим картинки. Вот на этой что ты видишь?

- Бабочку.

- Отлично. А здесь?

- Мишку.

- Чудесно. А тут кого ты видишь?

- Черепаху.

- Отлично. Машенька, а что такое сигнал СОС?

- Когда корабли тонут.

- Правильно. А какое сейчас время года, Машенька?

- Зима.

Снова тихо. Слышно шуршание.

- Что ты рисуешь?

- Вас, Алла Валерьевна.

Заключение:

Отстаёт в развитии. Необщительна. Скрытная. Уровень интеллекта понижен. Самооценка низкая. На протяжении сеанса рисовала. На рисунке изобразила абстрактные линии.

Алла Валерьевна Бензарь. Психиатр.

СТЕНОГРАММА (9 декабря 1997 г):

- Здравствуй, Маша. Мы не виделись три дня. Как ты провела это время?

- Ништяк провела, Алла Валерьевна.

- Это значит, тебе здесь нравится?

- Это значит, что я адаптировалась. Так это называется по-умному?

- Ты нашла друзей?

– Я никогда и никого не ищу. Все что мне нужно у меня есть. Алла Валерьевна, а у вас есть дети?

Пауза.

– Нет. У нас пока нет детей.

– А хотели бы? Или вы чайлдфри?

– Маша, если бы я была чайлдфри, я бы не могла работать с детьми.

– То есть получается, что детей вы любите верно?

– Верно, Маша. Я люблю детей.

– Я думаю вы врёте, Алла Валерьевна. Если бы вы любили детей, вы бы не выписали Артёму сильнодействующий препарат после которого его перевели в психиатрическую лечебницу.

Снова пауза.

– Ты хочешь поговорить об Артёме, Маша?

– Мне фиолетово, Алла Валерьевна. Лишь бы доставить вам удовольствие.

– Ладно. Давай посмотрим снова на картинке. Что ты здесь видишь?

– Две женщины занимаются оральным сексом.

Пауза. Минуту.

– Хорошо, а здесь?

– Я вижу пальму, а на ней аиста. А вообще я ничего не вижу. Вы, правда, хотите, чтобы я отвечала?

- Да, Маша. Очень хочу. Я здесь чтобы тебе помочь.
- Ага, точно. И как я забыла?
- Маша, чем отличается птица от самолёта?
- А чем отличается раб от свободного человека, Алла Валерьевна?
- Давай ты ответишь на мой вопрос, а потом я на твой.
- А я уже ответила. Самолётом управляют, а птица свободна. А ещё у самолёта нет перьев. Алла Валерьевна, а вы давно замужем?
- Да, Маша, давно. Давай поиграем в игру, хочешь?
- Почему бы и нет.
- Я буду говорить тебе два слова, а ты найдёшь связь между ними. Начнём?
- Давайте.
- Бумага-уголь
- Оба вещества содержат углероды. Органического происхождения.
- Ножницы-сковородка.
- Предметы обихода. А вообще и тем, и другим можно убить человека.

Пауза.

- Почему ты подумала именно об этом?
- Понятия не имею. Подумала и все.

Заключение: Агрессивность. Склонность к насилию. Социопатия. Высокий уровень интеллекта, намного превышающий возрастную категорию. В сравнении с прошлой стенограммой, словно два разных человека. Раздвоение личности?

Макар отложил стенограмму в сторону. На его лице, с глубокими морщинами и короткой бородкой не отразилось никаких эмоций. Только нервное постукивание костяшками пальцев по столешнице выдавали его истинные эмоции. Час назад он получил приказ об уничтожении одного из агентов. И, впервые, ему это не было безразлично. Он лихорадочно думал, чуть прищурив и без того маленькие черные глазки.

Кукла. Самая лучшая. Самая непредсказуемая. Он вспомнил, как увидел ее в первый раз. Заблуждаться могли все. Она манипулировала каждым, кто к ней приближался иногда даже самим Макаром. Только после того как эта хитрая стервочка выходила из его кабинета он понимал, что она как всегда ментально его отымила. Кукла могла стать кем угодно. Войти в самый трудный образ. Перевоплотится у него на глазах от школьницы в зрелую женщину. От распутницы в скромного ангела. От Лолиты в синий чулок. Самая лучшая ученица. Самый трудный агент из всех, с кем ему доводилось работать. Макар никогда ей не доверял. Но она профи. С этим не поспоришь. Ни одного провала. За все десять лет. Только Кукла стала опасной уже давно, и она им больше не нужна. Макар получил приказ – уничтожить. На последнем задании. Убрать, как только она добудет информацию. Не так-то и просто это сделать. Если Кукла заподозрит, что ее решили «снять» она растворится, исчезнет и никто и никогда ее найдёт, как бы он ни старался. Значит, действовать нужно иначе, несмотря на то, что он сам имел то, что сдерживало агента. Отобрал нечто ценное. Его личная гарантия. Козырь. Кукла вот у него где – в кулаке, и сделает всё, что он потребует.

А вообще Макар испытывал странные эмоции. От мысли, что Куклы не станет, у него щипало в сердце. Да-да в том самом каменном сердце, которое уже давно забыло о жалости, а о привязанности к агентам и подавно. Но Машка другая. Она отличалась от всех них. Она слишком похожа на него самого, у них даже день рождения в один день. Он привязался к ней. Пожалуй, Кукла была единственной, о ком он заботился. Даже не так, заботился он обо всех своих ребятах, но Кукла это личное. Нечто спрятанное настолько глубоко, что почувствовал ЭТО Макар только когда получил приказ об уничтожении. Что ж,

придётся смириться. Приказ есть приказ. Конечно, он сделает пару звонков, попытается оттянуть время, но не больше. Агент редко выходит из игры. А если и выходит, то только для того чтобы его закопали. Без почестей, без наград, забытого всеми, даже архивы с именем агента уничтожаются после его смерти. Ведь у них нет семьи, нет близких и друзей, и хоронит их сам Макар. Черт, Куклу хоронить не хотелось... Для неё хотелось... он и сам не понимал чего. Счастья, наверное. Старееет Макар... старееет, болячка дает о себе знать. На пенсию пора. Совсем сентиментальным стал. И ещё Призрак этот. Дьявол, а не человек. Чуть несколько заданий не сорвал. Убил пару объектов Куклы и что самое странное он как тень... всегда появляется там, где и она. Совпадение? Макар никогда не верил в случайности. В этой жизни все закономерно. Вот только поймать Призрака невозможно. Кто он такой? На кого работает? Почему ведёт именно их агента? Ни одного ответа. Ни одного отпечатка пальцев и прокола. Словно и правда призрак, а не человек. Только Макар в мистику не верил. Есть труп, значит, есть и убийца. Других вариантов не существует. А если есть убийца, есть и улики вопрос времени, когда они смогут на него выйти. Все совершают ошибки и этот совершит. Рано или поздно. Только последнее время Макару начало казаться, что Призрак сам по себе. Это личное. Тогда вопрос кто он?

Глава 5

Кукла. Россия. 2001 год

Удивительно, но я живу с Лёшей уже неделю. Точнее у Лёши. Хотя, я почти его не вижу. Утром он уходит на одну работу возвращается в обед и ночью снова уходит. Но в принципе я знала, что со свободным временем у него напряг. Зато, я предоставлена сама себе. Конечно, я освоилась. Исследовала его холостяцкое жилище вдоль и поперёк. Даже убрала. Макар был бы в шоке. Я и уборка вещи несовместимые. Но от скуки можно и и петь начать. И я пела, дурным голосом, под диски «metallica» и "Guns N' Roses", которые нашла у Лёши на полке. Особенно меня вдохновил трек "don't cry tonight, baby". Я орала ее как ненормальная, размахивая шваброй и тряпкой. Оленька к нам больше не приходила, но она названивала периодически и ледяным голосом звала к телефону Никитина. А я не могла отказать себе в удовольствии заставить ее ждать и иногда очень долго. Он брал трубку, многозначительно смотрел на меня и прикрывал двери в прихожей.

Сегодня особо тоскливо. Ненавижу пятницы. Вот люди понедельник не любят, а я пятницы. Потому что другие сидят дома перед телевизором со своими семьями, а у меня, бля, даже дома нет. И не было никогда. Гостиницы, квартиры, виллы, дома объектов и все чужое не моё. Нет, меня не напрягало, но вот по пятницам, я чувствовала себя некомфортно. А когда мне некомфортно я начинаю себя веселить, а когда я себя веселю, то другим уже совсем не до веселья. Так что держись, Лёша, я решила наведаться в твой ночной клуб и пощекотать тебе нервы. Никитин начальник безопасности в модном ночном клубе. А днём в той же должности по частным крутым школам столицы. Я поковырялась в шкафу, подыскивая хоть что-то подходящее для клуба, но не нашла совершенно ничего за исключением той самой джинсовой юбки и короткого топа в которых познакомилась с Лёшей. А что? Чем не прикид? Тем более там все пьяные или накачанные коксом и другой дрянью. Сойдёт. Фейс контроль я всегда проходила. Я открыла сумочку, выудила скудный запас косметики. Ну, может для кого и скудный, а я с черным карандашом на «ты» я могу только с его помощью такой боевой раскрас выдать, что модные стилисты отдыхают. А у меня ещё и тушь есть, и блеск для губ и сиреневые тени. Так что я богатая, вооружённая до зубов.

Ровно через двадцать минут я удовлетворённо смотрела в зеркало на собственное отражение. Подводка «смоку» длинные ресницы, пухлые губы. В самый раз. Я завязала волосы в высокий хвост на макушке, нашла свои туфли на шпильках. Все бы хорошо, но у меня нет бабла. Те, что оставил Лёша я потратила в супермаркете и на сигареты. За такси заплатить нечем. Ну что, Кукла? Начнём импровизировать?

Таксист не сразу понял, что денег у меня нет. Даже ещё когда притормозил у клуба, искренне надеялся, что я заплачу. Но его надежды лопнули как мыльный пузырь, когда я стремительно выскочила из его «волги». Толстяк оказался проворным. Догнал меня в два счета и схватил за локоть.

– Куда собралась? А платить, кто будет?

Я быстро обернулась на заведение. Возле входа толпа, курят, смеются. Ждут, пока впустят. Черт.

– Так, я за деньгами. Там внутри мой... родственник работает. Возьму у него и вернусь. Я мигом.

Толстяк прищурился и усмехнулся:

– Ты что думаешь, я первый день за баранкой? Тупая отмазка. Давай, плати.

Я снова обернулась и поискала глазами потенциальный кошелёк. Все с парами. Вот, черт. Повернулась к таксисту.

– Я честно собралась заплатить, правда. Вот забегу вовнутрь деньги возьму и вернусь.

Мой жалобный тон и несчастные глазки его совсем не тронули.

– Заливаешь. Тогда паспорт оставь.

– Я без паспорта.

Он усмехнулся.

– Тогда я сейчас тебя в милицию отвезу. Вот там и разберутся с тобой, дрянь малолетняя.

А вот этого не надо, дядя. В милицию ну совсем никак нельзя. Конечно, Макар меня вытащит, но неприятностей я не оберусь.

– Давайте вместе зайдём, я деньги у родственника возьму, хорошо?

Я все ещё надеялась, что смогу улизнуть от него и потеряться в толпе. Похоже, этот вариант ему подошёл. Прихватив меня за локоть, толстячок, на голову ниже меня, в дурацкой рубашке в клетку тащил свою жертву в клуб. Конечно, на входе его тормознули ребята.

– Куда собрался, дед?

- Вот эта девушка не заплатила за такси и уверяет, что здесь работает ее родственник, который расплатится.

Парни переглянулись и усмехнулись.

- А что за родственник?

- Никитин, - прошипела я и вырвала руку из цепких пальцев таксиста.

- Леха что ли?

Один из охранников заржал, а другой потянулся за рацией.

- Сейчас позову его. Подождите. Эй, братан, тут телка одна утверждает, что ты ее родственник и что готов заплатить таксисту и за вход? В шею гнать?

Прикрыл рацию рукой:

- Звать как?

- Кукла скажи, - он заржал и закатил глаза.

- Леха, она назвалась Куклой, прикинь? Чего? - лыбиться перестал, и я с триумфом щёлкнула языком... Выкуси парень, - Понял, да никаких проблем.

Парень обернулся с удивлением на лице:

- Хм... правда родственник, хотя чего-то не припомню тебя.

Толстяк тем временем снова сцапал меня за локоть.

- Эй, потише там, не дёргай ее. Сколько она должна?

Охранник отсчитал несколько купюр и вручил таксисту. Тот пригрозил мне пальцем, и наконец-то я избавилась от его навязчивого присутствия. Козел старый. Итак, впереди разговор с Никитиным, который наверняка заплатит ещё

одному такому же козлу, чтобы меня отвезли домой.

- Тебя как звать, кукла? - парень, который расплатился с таксистом, теперь с любопытством меня рассматривал.

- Маша, а тебя?

- Женя. Приятно познакомиться. Так кем тебе приходится наш командир?

- Родственником, - я подмигнула Жене.

- Так родственником или родственником? - спросил он снова, заглядывая мне в глаза.

- Это имеет значение? В данный момент? - прозвучало двусмысленно.

Женя улыбнулся, потёр колючий подбородок. Потом посмотрел на мой откровенный прикид и прищёлкнул языком.

- Так я интересуюсь со злым умыслом, - сказал он.

- Даже так? И, насколько он злой?

- А насколько можно?

- Всегда нельзя. Так интереснее, - я нагло взяла из его пальцев сигарету и затянулась. Как назло, именно в этот момент пришёл Никитин. Вау... таким я его ни разу не видела. Ему идёт элегантная одежда. Взгляд на Женю, потом на меня. Прищурился.

- Что за выходка?

- Мне скучно, Никитин.

- Давай-ка домой. Мне не до тебя сейчас. Женя, вызови такси, кого-то из наших, чтобы довезли в целости и сохранности.

Меня это начинало бесить. Домой мне не хотелось. А Никитин собрался свалить.

- То, что ты меня отправишь домой, не даёт гарантии, что я туда попаду. Просто найду другой способ развлечься. Разве не лучше, если это будет у тебя на глазах?

Женя смотрел то на меня, то на него, не зная уйти ли ему или остаться и поприсутствовать при столкновении двух интеллектов. Никитин думал ровно две секунды.

- Хорошо. Сядешь за тот столик и будешь себя очень хорошо вести. Жень, проследи чтоб ей не давали алкоголь и чтоб всякая шваль не клеилась.

- Женя, проследишь? - я кокетливо вернула ему обратно сигарету.

- Прослежу, - ответил тот и подмигнул мне.

Думаю, Женя был и не против. Я посмотрела вслед Лёше, мне стало интересно, через какое время он вернётся? Полчаса? Час?

Мы с Женей перебрались за столик возле бара.

- Что пить будешь?

- Мартини со льдом, - сказала я и облокотилась о спинку стула, закинула ногу за ногу.

- Мне велели спиртное не заказывать.

- Неужели? А ты всегда такой послушный?

Я рассматривала новую жертву. Мне хотелось придумать для него пытку повкуснее. Заодно и для Никитина, когда он вернётся. Определённо Женя не в моем вкусе. Таких, как он, я щелкаю как семечки. Но на безрыбье...

– Закажи мартини себе и будем пить вместе, – продолжала я искушать несчастного Женю, который следил за моими пальцами, выписывающими круги на столешнице длинными ноготками. Я вдруг царапнула по поверхности, и он вздрогнул.

– А вы с Никитиным ну... типа и, правда, родственники?

– Самые настоящие, родные, прям как брат и сестра.

Пропела я и скинула куртку, вызывающе поставила ногу на краешек стула Жени. Тот глянул на мою лодыжку в чёрном чулке и перевёл взгляд на мою грудь, а потом на губы.

– Он не говорил мне, что у него такая сестра, – Женя уже не улыбался.

– Какая такая?

– Красивая.

Банально, но все равно вкусно. Хотя бы, потому что Никитина это точно взбесит.

– Так как насчёт мартини?

Уже через минуту я с наслаждением потягивала алкоголь. Сделав пару глотков, протянула напиток Жене. Он отпил. Я ему нравилась. Как и всем особям мужского пола с традиционной ориентацией и с нормальной потенцией. Женя клюнул после второго бокала мартини, когда я уже вовсю танцевала, виляя задом прямо у его носа. А так как юбка заканчивалась там, где начинались мои ноги, то он моментами лицезрел краешек моей упругой ягодицы и похоже проблем с потенцией у него точно нет. Меня чуток развезло от мартини. Люблю вот это охренительное ощущение лёгкого опьянения, когда тормоза немножко отказали, но мозги ещё работают. Притом в интересном темпе, работают для того чтобы у собеседника уже никаких тормозов не осталось. Вот это кайф. Женя пританцовывал рядом со мной, норовя лапнуть за талию или за зад, а я ловко уворачивалась, но держала его в тонусе. А потом сама положила руки ему на плечи. Мускулистый, упругий.

- Маш, а тебе сколько лет? – спросил он, окончательно расслабившись.

- Это важно?

- Просто всегда спрашиваю.

- А что были неприятности с малолетками?

Видимо зацепила, были.

- Угадай, – я окунула палец в бокал, поддела льдинку и положила на кончик языка. Женя проследил за моими пальцами и его тёмные глаза загорелись.

- Семнадцать, – шёпотом сказал он, скорее убеждая себя, чем спрашивая.

- На этом и порешили, – усмехнулась я и повернулась к нему спиной, вжалась ягодицами прямо в пах и поёрзала. Женя тут же сгрёб меня за талию и прижал плотнее. Но развлечение длилось недолго. Пока у меня из рук кто-то не забрал бокал с мартини. Обернулась, продолжая извиваться в танце. Лёша. Взгляд тяжёлый, хищный. Внизу живота тут же завибрировала пружина, готовая лопнуть в любое время. Какой грозный. Телохранитель, блин. Строгий костюм, белая рубашка, на поясе рация и наверняка там под пиджаком ствол. Только челюсти сжаты и на скулах играют желваки. Похоже это уже его привычное состояние рядом со мной. Не оборачиваясь, бросил Женя:

- Начинай обход территории. Я тебя сменю здесь.

Никитин стал между мной и Женей.

- Я это... Лёш...

Женька явно смутился от тяжёлого взгляда начальника, пятой точкой почувшал неприятности.

- Иди. До закрытия ровно час. Сделай обход.

Странный взгляд у моего спасителя. Впервые нечитабельный. Смотрю, и понять не могу. Мне сошло с рук? Или нет? Как только Женя скрылся из поля зрения, Никитин залпом осушил мой бокал с мартини.

– Мой рыцарь волнуется о чести дамы? – спросила я, все еще продолжая танцевать.

– Скорее о чести друга, – ответил Никитин и вдруг схватил меня за руку, – это что только что было?

Лёша насильно усадил меня на стул и устроился напротив.

– Давай договоримся. Это в первый и последний раз ты мешаешь мне работать ясно? В следующий вышвырну нахер. Поняла?

– Конечно.

Я чуть раздвинула ноги и положила руки на колени. Поиграть в Шерон Стоун? Устроить представление? Нет, плагиатус, блин. Да и я в трусиках. Слабенько. Непроизвольно он посмотрел на мои бедра и тут же отвёл глаза. Я сбросила туфельку и снова поставила ногу на стул, прямо между его ног. Невинно хлопая ресницами, заглянула ему в глаза. Это действует. На него безотказно.

– Я приготовила ужин... что ты любишь на ужин, Никитин?

Его брови удивлённо поползли вверх.

– Ты умеешь готовить?

Да, милый, испанская кухня, французская, марокканская, японская. Любой каприз за ваши деньги... в этом случае за ваши чувства.

– Я много чего умею... Брат... дядя... друг... папа... я так и не знаю кто ты мне?

Теперь я красноречиво смотрела на его ширинку. Охренеть, ткань брюк начала быстро натягиваться под моим взглядом. Определённо, если он и владеет своими эмоциями, ЭТИМ он точно не владеет. Вот эта часть его тела все же

сотрудничает именно со мной.

- Так что у нас на ужин? - чуть хриповато спросил и откашлялся.

- Сделав ревизию в твоём холодильнике, и с трудом уложившись в ту мелочь которую ты мне оставил, я смогла приготовить суп «Вишисуаз» и "Жюльен".

Он поперхнулся дымом.

- Чего?

- Французская кухня. Кстати, ты всегда на еду реагируешь эрекцией?

Никитин заказал себе порцию виски, игнорируя мой вопрос, а скорей всего, чтобы потянуть время.

- Потанцуй со мной, Никитин

- Нет, я работаю. Но ты можешь потанцевать сама. Никто не запрещает.

- Значит самой можно, а с Женей нет?

Лёша резко поставил бокал на стол.

- Маша... нам нужно серьёзно поговорить.

- Насчёт Жени? - я улыбнулась и теперь нагло поставила босую ногу ему на колено. Он не сбросил, просто посмотрел мне в глаза:

- Насчёт всего.

Я знала, что он мне скажет. Даже знала каким тоном. Я начинаю проигрывать. А проигрывать я не люблю и не умею. Нужно делать резкий разворот в

отношениях. Точнее эти отношения должны стать таковыми. Делай свой ход Никитин. А потом я поставлю тебе шах, до следующего хода. Клуб закрылся ровно через час. Мы шли к машине Лёши. Он молчал. Готовился внутренне. Наверняка, вместе с Оленькой придумывали, как от меня избавиться по красивее. Итак... поехали...

- Черт, - я всхлипнула и упала на одно колено. Никитин тут же оказался рядом и помог подняться.

- Все в порядке?

- Да... нет, я ногу подвернула. Болит. Сильно.

На глазах слезы. Никитин приподнял меня за талию и донёс до машины, усадил на переднее сидение и склонился над моей ногой, ощупывая щиколотку.

- Больно? - спросил он, надавливая на косточку, трогая ступню, пальцы... О боже... Это так возбуждающе.

- Очень, - ответила я, чувствуя острые покалывания внизу живота, искры, пробегающие вдоль позвоночника. Уровень эндорфинов в крови тут же увеличился. Прикосновения его пальцев - это как удары электрошоком, притом по самым чувствительным местам. Вторая рука поддерживала мою ногу под колено.

- Просто ушиб. Ничего серьёзного, - констатировал он и поднял голову все ещё сидя передо мной на корточках. Вдруг его брови сошлись на переносице:

- Нет никакого ушиба, да?

Я, молча, склонила голову на бок и, не отрываясь, смотрела ему в глаза.

- Нет ушиба, Лёша. Я хотела, чтобы ты ко мне прикоснулся.

Он резко выдохнул.

– Маша, завтра я получаю твой паспорт. После этого мы определяем тебя в школу интернат. Я думаю это самое лучшее, что я могу сделать для тебя. Начнёшь новую жизнь. Нормальную. Как у всех. Я буду тебя навещать, обещаю. Ты даже сможешь приезжать ко мне на выходные.

– Ногу отпусти, – тихо попросила я.

– Что?

– Ногу отпусти, я сказала.

Его пальцы медленно разжались. Он встал с корточек и хотел уже сесть в машину. Но я вскочила и быстро пошла по тротуару:

– Маша, вернись в машину!

Да неужели? Не работает. Я пошла быстрее.

– Маша, давай поговорим, Маша.

Я сбросила туфли и побежала от него.

– Кукла, мать твою!

Резкий поворот головы – подхватил мои туфли и бежит следом. Посоревнуемся спецназ? Ну, кто быстрее бегают?

– Да пошёл ты! – крикнула я и теперь бежала в сторону набережной, – ты и твоя Оленька!

Кукла. Израиль 2009 год

Я узнала его. Как только этот боров вошёл в маленькую спальню, освещённую лишь свечами и красной лампочкой, под потолком, я его узнала. Он мало изменился за эти два года. Немного постарел, но все тот же невысокий толстяк с пивным пузом, жидкими волосами, с сединой на висках. Тот самый, который так

усиленно пытался затащить меня в свою постель ещё не подозревая, что я и есть та самая Мири, которой он должен передать секретную информацию.

Я вела его тогда три месяца. Светские приёмы, встречи в ресторанах. До белого каления распалила, как говорится, а потом потребовала диск. Он был в шоке. Никогда не забуду в его глазах металлический блеск ненависти. Ко мне. К женщине, посмевавшей играть не по женским правилам, а по мужским.

Вопрос узнает ли меня он. Ассулин. Два года назад, именно от него, я получила пакет, из-за которого погибли все, те, кто помогал мне в том деле. Я не знала, что на диске. Меня никогда не посвящали в подробности. Да и я, за свою не столь длинную, но далеко не спокойную жизнь, выучила одно железное правило – меньше знаешь, крепче спишь. Спала я редко, со стволом под подушкой и всегда беспокойно. Но это уже другой вопрос, совершенно не волнующий моих заказчиков.

Ассулин посмотрел на меня масляными глазками, улыбнулся и тут же выложил двести шекелей на тумбочку. Я презрительно скривилась – урод. Жадная скотина. Это меньше пятидесяти баксов. Такова такса за час с проституткой в Израиле. Дешёвой проституткой. А этот гад мог позволить себе шикарную девочку по сопровождению. Таковую как Мири. Когда час с ней мог стоить около штуки баксов и то не в постели. Но я хорошо выучила их менталитет. Израильские мужчины – миф о горячих чувствах и страстях. Жадные, склочные женоневистники. Ненависть к русским и мечта иметь русскую. А русские их используют, тянут бабки, потому что ничего другого не вытянуть. Пусто там, цифры, счета и похоть. Значит тогда купить рашен лове за пару сотен. Иллюзию о красивой белокожей девочке согласной на все ради вот такого жирного борова, которого дома ждёт жена с выкрашенными патлами, морщинистым лицом и вечно орущей глоткой, да семеро детей наглых зверёнышей похожих на маму и папу. Вот и Ассулин туда же. Мразь. Копейки считает. И знает, сука, что эти бабки я отдам хозяину и ещё долго не увижу с них ни агоры. Так я буду выплачивать, и выкупать свой паспорт и якобы содержание в этом гадюшнике.

Он меня не узнал. Тогда я была шикарной блондинкой с голубыми линзами, а сейчас брюнетка и линз нет и автозагара тоже. Он грузно сел на постель и сбросил ботинки. Подозвал меня пальцем. Я подошла, улыбаясь и кокетливо, строя глазки.

– Наташа?

Кивнула и села к нему на колени. Смотрит похотливо мне в вырез платья, гладит грудь. Я не вздрагиваю от омерзения. Я умею отключаться. Меня этому учили.

– Хороший Наташа... красивый.

А то, конечно красивая. За пятьдесят баксов ты бы не лизнул кончик моих прошлогодних туфель.

Он потянул меня за руку вниз, предлагая стать на колени и сделать ему минет. Я кивнула на душевую, надеясь за это время обдумать свою тактику, но он засмеялся и ещё настойчивей потянул вниз. Я снова кивнула на душ.

– Давай... отсоси. Я не в душ пришёл, – сказал он на иврите и сжал мои волосы.

И он силой толкнул меня на колени.

– Время пошло. Начинай.

Я медленно расстегнула его ширинку, поглядывая на него из-под ресниц, он поглаживал мои волосы и закрыл глаза. Я же протянула руку к его пиджаку, брошенному на пол, и осторожно достала шариковую ручку из кармана. Когда мои пальцы грубо сжали его яйца, он охнул и в тот же момент, наверняка, почувствовал дикую боль – острие ручки впилось ему в пах.

– Ну что, Ассулин? Не узнал? Жаль... как жаль. Только попробуй дёрнутся и твои яйца превратятся в яичницу. Только попробуй! Сейчас помнишь меня? А? Помнишь... Куклу? Помнишь пакет который отдал мне в Яфо? В порту?

Он тяжело дышал, судорожно сжал простыни. Не издал ни звука.

– Чего ты хочешь?

Чего я хочу? Чтобы ты падаль свёл меня со своим партнёром и помог выбраться из этого дерьма. Вот чего я хочу. Я так ему об этом и сказала. Иначе копия диска прямо сегодня ляжет на стол главного следователя полиции Тель Авива, а тот найдёт ей применение. Ассулин долго молчал, потом потребовал дать ему

сотовый. Шариковая ручка все ещё впивалась в его сморщенную мошонку, пока он разговаривал с кем-то из своих.

– Убери это. Давай спокойно поговорим. Ты ведь не хочешь меня убивать, а хочешь договориться. Так вот – я не могу разговаривать, когда ты держишь меня за яйца.

Его голос слегка дрожал, и я убрала руку от его паха. Он тут же застегнул штаны и встал с постели. Глубоко вздохнул и пригладил волосы. Он нервничал. Наверняка лихорадочно прикидывал – представляю ли я реальную опасность или нет.

– Не задавай много вопросов, Ассулин. Просто вытащи меня отсюда, и забудем об этом. Просто дай уйти.

Он дрожащими пальцами достал пачку сигарет и закурил. Не ожидал. Наверняка ему обещали, что никто из той операции в живых не остался. Никто кроме меня. Да и есть ли я?

Прошёлся вдоль комнаты, посмотрел в окно. Принимает решение. Значит не уверен, что я блефую. Значит боится.

– Сейчас за мной приедет мой водитель, а потом подумаем, куда тебя деть. Как ты здесь оказалась, Буба?

Я усмехнулась. Как? Как смогла, так и оказалась.

Оливковые глаза марокканца сверлили меня насквозь, он был зол. Дьявольски зол и напуган. Уверенна, что уже завтра от владельца этого заведения останутся одни воспоминания – его с дерьмом смешают. А вот я? Я реальная проблема. Он не знал, блефую ли я насчёт диска. Впрочем, как и я не знала, что на нем. Но могла предполагать. Раз из-за него убили как минимум пятнадцать человек. Если этим делом занималась я – то здесь замешана госбезопасность. Так что неприятности у адона Ассулина могут быть конкретные, похлеще, чем оторванные яйца. И мне он этого тоже не простит. Такие не прощают. Вернёт сдачи. Ничего – я готова.

Ровно через полчаса мы вышли из трёхэтажного здания, и я полной грудью вдохнула горячий воздух раскалённого города. Август – самый жаркий месяц в Израиле. Асулин на меня не смотрел, он закурил еще одну сигарету и кивнул мне на машину. Я залезла на заднее сиденье и нервно усмехнулась. Значит, на диске было нечто, что могло его «свалить», если я так быстро вышла отсюда. Так что козыри все ещё у меня в руках. Теперь я лихорадочно думала о том, как попасть в камеру хранения на тахане мерказит в Тель Авиве. Там спрятана моя кредитка и новые документы, а потом я затаюсь. Сниму квартиру где-нибудь в Бней Браке и затеряюсь среди досов. Перевоплощаться я умею. Потом... Пофиг, что потом. Я никогда не думала о завтрашнем дне – у меня есть только сегодня. Завтра вполне может не быть, если Призрак найдёт меня, а он всегда дышит мне в затылок. Отстаёт всего на шаг. И очень скоро поравняется со мной. Вот тогда я умру. Неужели зря убегала так далеко, пряталась? Мне бы до камеры хранения добраться, флэшку достать и передать кому нужно, может прикроют тогда мой зад и то сомнительно. Хотя, это всё, что у меня осталось. Маленькая ерундовина с такой бомбой внутри, после которой полетит очень много голов. Я припрятала. Знала, что будет такой момент. Ради этого и пёрла в эту пустыню, с бедуинами и несчастными тупыми шлюхами, которые сдохнут здесь от наркоты или побоев.

«БМВ» с затемнёнными стёклами быстро мчалось по улицам Тель-Авива. Я не знала, куда. Но Ассулину хоть и не доверяла, чувствовала, что он не посмеет меня убить. Не знает, насколько я блефую. Так что у меня есть время.

Но я ошибалась, недооценила противника. Моя ошибка. Меня учили предвидеть наперёд, а я устала. Притормозила. Выдохлась за несколько недель безумной гонки.

Меня завезли на окраину Тель-Авива, за парк «А Яркон». Среди недели, ночью, там почти никого нет. Ни живой души. Могла бы насторожиться, а я лишь боролась с усталостью и сном. Машина резко притормозила, и Ассулин обернулся ко мне:

– Выходи, сука. Вот теперь поговорим.

И прежде чем я успела что-то сказать дверца «БМВ» распахнулась, и чьи-то руки вытащили меня наружу.

Вначале меня били. Методично, ногами в живот и под ребра. Их было человек пять, не считая самого марокканца. Ассулин громко кричал, чтоб по лицу не попали. И это давало надежду – значит не убьют. Значит, просто мстит падаль за то, что осмелилась, «опускает», как говорят по-нашему. Меня распластали на капоте машины, содрали трусы, раздвинули ноги, придавливая к горячему металлу. Я закрыла глаза и стиснула челюсти. Я знала, что сейчас будет.

Ассулин первым вогнал в меня свой короткий толстый член. Я старалась ровно дышать, не кричать и не стонать, справляться болью и приступами паники. Я выживу. От этого не умирают. Тихо... Мири... тихо...

Они насильовали меня по очереди. Впятером. Били и снова трахали, разными способами. Я сломала ногти до мяса, счесала колени и ладони, когда они швыряли меня на асфальт, на колени, перед их расстёгнутыми ширинками. Я не сопротивлялась. Если начну, то меня покалечат. Просто закусить губы и терпеть. Отстранится от реальности. Не думай, Мири. Ни о чем не думай. Я слышала их стоны, звериное сопение, рычание и маты, всю ту грязь, что они выливали на меня и старалась не думать ни о чем. Потом. Эти раны я залижу потом. Сейчас только выжить. Любой ценой. Мне казалось, что это никогда не кончится, минуты стали столетиями, боль слилась в одну яркую ослепительную точку и жгла все тело.

Когда они закончили, я сползла с капота и упала на колени. Ноги подгибались и дрожали. Невыносимо болели скулы. Мысленно, как автомат, я прислушивалась к собственным ощущениям. Я цела. Внутренних повреждений нет. Меня затошнило, и я вырвала прямо на асфальт. Запах рвоты и их спермы снова скрутил пополам. Болели ребра. Болело все. Я не могла встать. Меня подняли под руки. Ассулин подошёл ко мне, выпустил дым мне в лицо, он усмехался, но глаза оставались холодными, царапающими:

– Ты, русская сука, могла не угрожать мне, а попросить. Я вспомнил тебя.

Достал из кармана салфетки «сано» и вытер кровь на моем подбородке. Я тяжело дышала, с трудом смотрела ему в глаза. «Ничего тварь... потом рассчитаемся... потом мать твою... когда-нибудь я спляшу на твоей могиле».

– На меня будешь работать. Мне нужна такая умная и красивая сука, как ты. Я и тогда предлагал, но ты отказалась. А теперь ты в заднице, Кукла. В полной

заднице. Я все узнал о тебе. Да, мои парни быстро работают. Так вот... никто за тобой не придёт. Тебя слили. Теперь ты принадлежишь мне. С сегодняшней ночи. Отработаешь.

Я посмотрела ему в глаза и судорожно глотнула. Болело горло, пекло кожу головы, они повыдирали мне волосы клочьями. Меня все ещё тошнило, а по спине стекал холодный пот.

– Под кого скажу под того и ляжешь. Не бойся, платить буду хорошо. Очень хорошо. Я все ещё помню, что ты там болтала про диск. Откажешься, тут и сдохнешь. Похороню тебя на дне этого озера. Здесь тебя не скоро найдут. Теперь ты будешь добывать информацию для меня у своих русских.

Словно в доказательство его слов меня снова ударили по рёбрам, и я обмякла в их руках.

– Ну как, Кукла? Согласна?

Захотелось послать его матом и сдохнуть. Сейчас. Просто сдохнуть. Выживать уже не хотелось, медленно начиналась истерика, я сдавала позиции. Попыталась отстраниться, но не получалось. А если просто сейчас впиться в горло Ассулину и выдрать пальцами его глаза? Они убьют меня на месте. Разве так плохо умереть? Мёртвые не плачут. У мёртвых не болит сердце. На секунду подумала о Мишке. Увижу ли его снова когда-нибудь? Хоть раз в жизни? Не только на фотографии... а вживую. Услышу ли его голос? Я обязана выжить... ради него. Все на что я пошла. Разве это было сделано впустую? Я не умру сегодня... я постараюсь не умереть завтра. Миша меня ждёт.

– Да, мать твою, согласна, – прохрипела я и закрыла глаза.

– Вот и хорошо моя милая. Верное решение. Умное. Достойное, такой девочки как ты. Мы ещё сработаемся. Вот увидишь. В машину ее. Везите на Виллу. Приведите в нормальный вид и ко мне.

Я не плакала. Только закрыла глаза и стиснула зубы. Я переживу. Я живучая, как кошка. Я точно переживу... Бл... как же хреново. Просто на душе на несколько шрамов больше. Если у меня все ещё есть душа. Ведь была когда-то... когда-то я даже умела любить... Воспоминания резанули по нервам. Я слишком слабая

чтобы не думать... меня сломали. И сейчас у меня нет сил собрать себя по кусочкам. Но я соберу. Обязательно. Немного времени... Я ещё дам сдачи. Больно, до крови.

Глава 6

Кукла. Россия. 2001 год

Босиком далеко не убежишь по влажному асфальту. Обернулась и увидела, как Лёша сел в машину и уже через минуту его «шевроле» скрипя покрышками стал поперёк дороги, отсекая все пути к побегу. Я остановилась, тяжело дыша. Он вышел и яростно лопнул дверцей, ударил кулаком по крыше автомобиля.

– Детский сад какой-то.

Я отвернулась, скрывая триумф в глазах.

– Скажи мне, что происходит? Не понимаю. Я идиот, наверное.

– Нет, просто пословицу не знаешь, – бросила я, так и не поворачиваясь. Ветер трепал мои волосы, ноги замёрзли.

– Какая нахрен пословица?

Боковым зрением заметила, что он сел на капот машины и обхватил голову руками.

– Про благие намерения, Лёша. Ну или про зло и добро.

Нервный смешок. Закурил. Быстрые и глубокие затяжки.

– Это я что ли зло?

Не выдержала, рассмеялась.

- Нет, Лёша - я.

Он мне не поверил, а зря. Меня начало слегка морозить.

- Ты мне никто, Никитин. Засунь своё благородство в задницу. Я пошла. Жила как-то раньше и сейчас проживу. Так что садись в свою тачку и вали домой. Тоже мне благодетель. Я тебя нахрен просила?

Он резко прыгнул с капота машины и подошёл ко мне, взял за лицо всей пятерней. Смотрит в глаза ноздри раздуваются, на скулах желваки играют.

- Тон смени, Кукла. Никуда ты не пойдёшь. Все. Этот вопрос закрыт. Не хочешь в школу-интернат? Значит запишем в обычную школу.

Я отбросила его руку и прошла мимо задев плечом, облокотилась о капот машины, выставив зад в сторону дороги. Нам тут же посигналили и Никитин выматерился, снял пиджак и накинул мне на плечи. Я засмеялась, нагло с вызовом.

- Я ничего не хочу. Благодетель ты наш.

Схватил за руку и притянул к себе. Ничего себе меня подбрасывает от его прикосновений? Или я заигралась?

- Я не понимаю одного, Кукла. Что тебе надо? Чего ты, мать твою, хочешь? Что ж ты изводишь меня?

- Руки убрал! - тихо прошипела я, а меня током шибануло от прикосновения. В двести двадцать. Понравилось, но от этого и отрезвило сразу. Он продолжал стискивать мою руку.

- А ты чего хочешь, Никитин? Я тоже не пойму. Ты и правда такой лох? Не трахаешь, ничего тебе в замен не надо. Так на кой я тебе? Вроде в папочку еще рано играть. Вон женись на кобыле своей, и она тебе дюжину таких кукол нарожает.

Пальцы сильнее сжали моё запястье, а я даже не поморщилась.

– В машину, быстро. Не зли меня. Насильно запишаю.

– Попробуй, – я провокационно с вызовом посмотрела в его серые глаза. Мне нравилась провокация в любом проявлении. Особенно с ним. Ломать его стереотипы, выворачивать наизнанку. Внутренняя борьба отразилась на его лице.

– Убери руки и вали домой. Хватит, наигрался в папочку и в старшего брата.

В этот момент он сгрёб меня в охапку и потащил к машине, затолкал на сидение и закрыл дверцу. Сел за руль.

– Я в участок тебя сейчас отвезу пусть там и разбираются, что с тобой делать. Ты права – нахрен ты мне нужна?

На самом деле все происходит так, как решила я, милый. Ты делаешь все как по нотам. Все, чего я ожидала от тебя. Умничка. Черт хоть лезь под диван за конфеткой, как любил говорить наш Глеб Николаевич. Я все же закуталась в его пиджак. Пахнет одеколоном и сигаретами. Его запах. Мне он нравился. Я часто воспринимаю на нюх, как животное. «Вкусно» или нет зависит от запаха. Никитин был «вкусным» во всех смыслах этого слова. Я его хотела. Меня ломало от его взгляда, от его голоса. От оттенка его кожи, от мускулистого и твёрдого тела. Но я списывала это на профессиональный интерес. Или на химическую реакцию и гормоны. Всем рано или поздно хочется. Значит пришло и моё время. Мастурбации в душе или под одеялом становилось мало. Захотелось мужских пальцев... его пальцев.

Он вел машину молча, стараясь на меня не смотреть, а я приоткрыла окно и как всегда закинула ногу на торпеду. Повернула голову и увидела, как сильно стиснуты его челюсти.

– А дома ждёт вкусный ужин, – пропела я и поправила воротник его рубашки, повёл плечом. Злится. Еле сдерживается. Но ведь сорвется рано или поздно. Надолго не хватит.

- Лёша, - продолжила я, - а в той школе, там нормально? Ты проверял?

Пора давить на жалость, а то ведь явно не домой едем. Неужели решил избавиться или я уже на фиг ничего не понимаю в мужской психологии?

- Интернаты ненавижу... ты хоть сам знаешь, что такое интернат? Это зона для малолеток. Там свои законы. Ничем не лучше тюремных. Одно название интернат, а так та же ограда, охрана, побои и помои вместо еды, да поношенные вещи с чужого плеча. Я лучше сдохну, чем снова туда.

Лучше к Гоше в проститутки чем снова... Я сбегу оттуда. И снова на улицу. Так зачем усложнять? Останови и я выйду.

Я заплакала. По-настоящему. Мерзко так на душе стало. Начала играть, а как про интернат заговорила жалость к себе выдернула слезы настоящие. В горле застрял ком. Никитин резко дал по тормозам. Я отвернулась и полностью зарылась в его пиджак. Слышу, как ударил по рулю. Наверняка смотрит на меня. Коснулся плеча, а я вжалась в свою дверцу, слезы катятся, а мозги лихорадочно работают.

- Эй... Кукла...

Тихо выругался и потянул к себе, я оттолкнула и снова в свой кокон, но он не дал спрятаться, пиджак сбросил и взял за подбородок, долго смотрел мне в глаза. А я словно видела себя со стороны - сама невинность, ресницы мокрые, под глазами тушь размазалась, губы припухли. Глеб Николаевич всегда говорил «Ну вот как тебе, сучке, удаётся не опухнуть от слез, а выглядеть как в кино - аки ангел небесный, а?»

- Что мне с тобой делать?

На языке вертелась пошлость, но я проглотила, а Лёша вытер слезу с моей щеки.

- Давай новые правила - перемирие. Согласна?

Я кивнула и накрыла его руку своей рукой. Дыхание участилось, и он отвёл взгляд. Посмотрел в лобовое стекло. Но руку не отнял. Потом резко повернулся

ко мне.

– И больше никаких выходок поняла? И вот это тоже, – он вытер мои губы большим пальцем, – и вот это, – показал на мою мини юбку.

Я кивнула, а он протянул руку, пристёгивая меня ремнём безопасности. Его смуглая, сильная шея оказалась прямо возле моего лица, теперь уже пахло его кожей, потянула неумолимо и я нагло коснулась его губами. Там, где закончился воротник рубашки, чуть ниже уха. Он вздрогнул, дёрнулся как от удара и посмотрел мне в глаза:

Наверное, в этот момент мои мысли отразились на моем лице, потому что взгляд Никитина изменился, зрачки расширились. Я нагло впиалась холодными пальцами в его воротник и коснулась губами его губ. Вздрогнул, перехватил мою руку, но я уже зарылась в его светлые волосы на затылке, царапая шею и мои губы слегка приоткрылись. Он сдался внезапно. Неожиданно даже для меня, рванул к себе, и тут же смял мои губы своими. Я поплыла моментально, это полный отказ всех тормозов и разума. Его губы оказались жёсткими и властными, жадными и горячими. Настоящими. Пальцы легли на моё лицо, не давая оторваться, удерживая, он пожирал меня, забирая дыхание, взрывая мои мозги, мои лёгкие. В животе вспорхнул ворох ненормальных бабочек, совершенно чокнутых и неуправляемых. Ответила на поцелуй, почувствовала его язык во рту и крышу снесло к такой-то матери. Мне показалось что до него я ещё не целовалась. Все стало жалким суррогатом. Потому что Никитин не просто целовал он забирал, он порабощал волю, отнимал контроль, вырывал его с мясом. И меня это возбудило до сумасшествия, от желания свело скулы, впиалась в его волосы на затылке, отвечая, захлёбываясь, отдаваясь.

И вдруг он оттолкнул, резко выскочил из машины. Обхватил голову руками. Я откинулась на сидение и улыбнулась, трогая губы кончиками пальцев. Первый бастион пал. Моя победа. Безоговорочная. Никитин несколько минут стоял снаружи. Нервно курил. Потом сел обратно в машину. Мы тронулись с места:

– Ещё раз это сделаешь... – посмотрел на меня и со свистом выдохнул, – ты понимаешь слово «нет»?

– Понимаю, – ответила тихо и улыбнулась... скорее с сарказмом, – слово «нет» я в своей жизни слышу гораздо чаще чем «да». Не парься – я привыкла. Не буду

больше тебя целовать, не волнуйся. Дай закурить. Один раз.

Никитин тяжело вздохнул, но сигарету дал и зажигалку поднёс. Его руки слегка подрагивали. Все ещё нервничает. Почему? От того что я сбежала? От того что решил избавиться и не смог? Или от моего прикосновения или от того что сорвался и целовал меня как безумный? Похоже, я впервые не могу растолковать реакцию объекта. Вот это его «нет» добило. Сразу захотелось «да». Сейчас. Немедленно. В этом авто. Его «да», когда ворвётся в моё тело. Чтобы рычал «да, да, да».

Дома я сразу же юркнула к себе и заперлась изнутри. Я не спала. Я слышала, как он ходит по комнате, то включает, то выключает свет. Налил что-то, чиркнули спички. Я улыбнулась – зажигалка осталась в машине. Нервничает. Ведь я рядом. А он уже шагнул в это огонь. Теперь я не отпущу. Все. Игра переходит на новый уровень. И я все ещё веду.

Глава 7

Кукла. Россия. 2001 г

– Прошло две недели... Две. У тебя осталось ровно столько же. Какого хера происходит, а? Если провалилась так и скажи я заменю на другую телку постарше. Видел он тебя в школу пристроить собрался. Мне, Кукла через две недели нужна та папка. Через две. А он тебя не то что с папочкой знакомить не собирается, а даже в дом свою бабу при тебе водит.

Я задохнулась. Так всегда случалось, когда разговаривала с Макаром. Я его боялась. Меньше чем остальные, но боялась. Как собака боится хозяина. Макар мог ударить. Больно. Наказать. Макар решал жить мне или нет и как жить. И если он решит, что я провалилась – он меня заменит.

От одной мысли, что к Никитину пристроят другого агента стало не по себе. Да и провала не хотелось. Макар припомнит.

– Все, хватит играть в девочку. Или ты укладываешь его в постель и ваши отношения меняются или я меняю тебя. Через неделю отчитаешься. Ничего не сдвинется – уходи. Значит не время расставаться с девственностью. Используем при других обстоятельствах.

Я повесила трубку телефона автомата и нахмурилась. Мать его. А ведь и правда две недели прошло. Как один день. И я на месте. Нет, я конечно, продвигаюсь, но Никитин чертовски упрямый. Он не просто сопротивляется, он держится от меня на расстоянии. И Оля его у нас почти каждый день зависает. Чтоб ее. После того поцелуя в машине Лёша вёл себя так словно ничего не произошло. Полный ноль. Я даже не могла поймать его взгляд. Он упорно на меня не смотрел.

Я злилась. Впервые. Да, Макар прав, у меня не получается. Мне нужно больше времени. С Никитиным месяца не достаточно. Он из тех, кто долго раскачиваются и любят долгосрочные отношения с уверенностью в завтрашнем дне. А я точно не подхожу на роль домашнего зверька. Разве что экзотического. И у меня возникло мерзкое чувство – Никитин не любит экзотику. Простушка Оля гораздо больше подходит.

Я вернулась домой. Бросила пакт с покупками на диван и нервно прошлась по салону. Автоматически включила телевизор. Никитин сейчас на работе. Вечером собрался со своей мымрой в кино... со мной естественно. Я не заметила, что стою напротив его комнаты, даже рука легла на ручку двери. Осторожно повернула и зашла вовнутрь. Взгляд упал на постель – аккуратно заправлена, шторы на окне раздвинуты. Несколько секунд смотрела на покрывало – Олю на ночь не оставляет. Но ведь трахает ее. В машине что ли? Или у неё дама? Так она вроде с родителями живёт.

Я подошла к столику у зеркала и протянула руку к флакону с его одеколоном – непроизвольно понюхала.

«Если провалилась так и скажи я заменю на другую телку постарше».

Сразу представила себе лицо Светика. Точно ее подбросит. Она цепкая, хватка у неё железная. Такая в постель в тот же день затащит. И Никитин два раза думать не станет. Светке под тридцать.

Я поставила одеколон и посмотрела на своё отражение. Долго смотрела.

Сегодня все изменится. Сегодня или я буду не я. Так куда там уехали Олины родители? Я ещё несколько секунд смотрела на себя в зеркало, а потом решительно вышла из комнаты. Я снесу тебя Никитин, я устрою тебе персональное землетрясение.

Я снова выпорхнула на улицу, к телефону автомату. У меня уже появился план.

Никитин вернулся домой ближе к десяти вечера, он проводил Олю в аэропорт. Ее родители попали в аварию – никто не пострадал, но они оба все ещё в больнице с лёгкими ушибами. Естественно Никитин не смог вылететь с ней в Варшаву. У него работа и я. Так что Оленька отправилась сама и я надеюсь ее не будет дня два как минимум. Лёша сразу пошёл на кухню заваривать кофе, а я с глазами полными сочувствия смотрела на него и тихо вздыхала. Но похоже на него это не действовало. Он по привычке заварил кофе и мне, поставил чашку на стол.

– Мы никуда не едем.

– Почему? – нагло спросила я и села на соседний стул.

Он устало вздохнул и не глядя на меня отпил кофе.

– Никто не умер. Все живы здоровы. Почему мы должны сидеть дома?

Никитин повертел чашку в руках, и я снова засмотрелась на его запястья. Очень сильные руки и пальцы красивые, мужские.

– Потому что у меня пропало настроение. Этого достаточно? Я хочу побыть дома.

– А я постоянно дома. Как в клетке. Как в коробке для хомяка с дырками на крышке. И крышку открывает хозяин, когда ему скучно или пришло время кормить зверушку.

Я несколько секунд смотрела на него, потом с грохотом поставила чашку на столик и ушла на балкон. Так же демонстративно шваркнула дверь. Черт... ну

что ж такое, а? Я не понимаю, что не так? Что я бля... делаю не так? Медленно выдохнула, стараясь взять себя в руки. Может быть Макар прав и Никитин мне не по зубам? Нихера! По зубам. По зубам, черт его раздери, вместе с его Олей и настроением. Можно подумать ему не нас***ть на ее папочку и мамочку? Ну попали в аварию. Да и не авария вовсе, слегка задел грузовик на светофоре и прижал к обочине. Пару ушибов. Дверь позади меня приоткрылась. Никитин с сигаретой в зубах вышел ко мне.

- Переодевайся. Я передумал. Едем в кино.

Я медленно обернулась, но он на меня не смотрел, курил, пуская дым на улицу.

- А что так? - спросила я и облокотилась спиной на перила, - чего передумал?

- Ты собираешься или нет? Мы опоздаем.

- Не хочу никуда идти, - сказала я пошла к двери.

- Ты сама выберешь что смотреть, идёт?

Я лишь на секунду остановилась и улыбнулась уголком рта. Ещё как идёт. Бежит. В припрыжку. Потому что я уже выбрала и твоей ханже Оленьке точно бы не понравилось. Так и представляю себе, как покрывается румянцем ее полнощёкая физиономия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Да пошел ты! (иврит)

2

Да что ты говоришь? (иврит)

3

Проститутка (иврит).

4

Я же сказала тебе – пошел на х*** (иврит).

5

Сутенеры (иврит).

6

Лепешка, пустая внутри, намазанная хумусом (сродни майонезу, но другое на вкус).

7

Последние Известия (иврит).

8

В одном из выступлений Бен-Гурион (Первый глава правительства Израиля) мечтал, чтобы Израиль стал нормальной страной, со своими преступниками и проститутками (прим автора).

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/oderzhimost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)